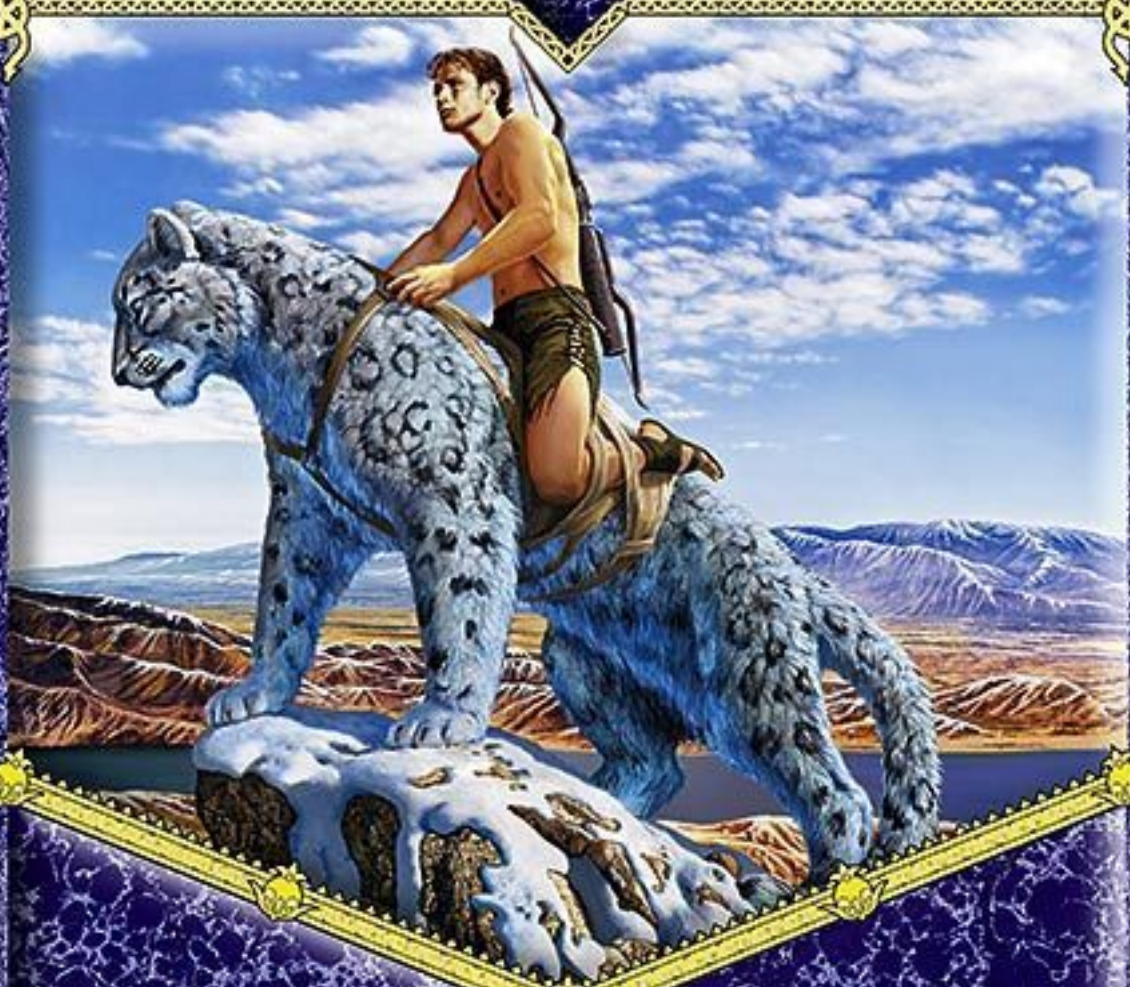

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Иар ЭЛЬТЕРРУС,
Ларк АЭРИ

ВИТОЙ ПОСОХ.
ХРОНИКИ СЕВЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Витой Посох

Иар Эльтеррус

Витой Посох. Хроники Севера

«Автор»

«Ларк Аэри»

2012

Эльтеррус И.

Витой Посох. Хроники Севера / И. Эльтеррус — «Автор», «Ларк Аэри», 2012 — (Витой Посох)

ISBN 978-5-9922-1217-4

На севере порой рождаются люди с горячим сердцем и пытливым умом, на которых положили свой глаз сами древние боги. Много испытаний ждет их – ведь боги жестоки к своим избранникам. И стать ли послушным проводником воли высших сил или, прислушиваясь к ним, самому делать нелегкий выбор, принимая все его последствия, каждый решает сам. Путь впереди нелегок. Эта книга повествует о событиях, происходивших во времена, предшествующие описанным в первой книге о Витом Посохе на территории севера и северо-востока той же каверны.

ISBN 978-5-9922-1217-4

© Эльтеррус И., 2012

© Автор, 2012

© Ларк Аэри, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Иар Эльтеррус, Ларк Аэри Хроники Севера

Пролог

«Начинался второй день лета, но он не сулил радости. Низкие свинцовые тучи затянули небо над Дойном. Яркие зеленые луга, светлые озера и перелески выглядели омертвевшими. Восходящее в дымке над Архенарской грядой солнце оказалось багровым и отбрасывало на все вокруг зловещие блики. Солнечный диск еще был виден между вершинами скал и наползающим краем туч, но скоро тучи сомкнутся с вершинами гор, и тогда начнется действительно страшное. Уже клубятся на горных тропах белесые дымы.

Князь Эргисарен Ин Дари, статный светловолосый мужчина в сверкающих доспехах, лет пятидесяти на вид, с точеными чертами лица, стоял вместе с несколькими верными вассалами на вершине холма. Он смотрел на подготовившиеся к последнему бою войска.

«Лучше погибнуть в бою, чем попасть в руки жрецов Дора. Рабство и безысходность – вот удел оставшихся в живых».

Старший сын и наследник на серебристом карайне во главе верного ему отряда, на платиновых волосах кровавый отблеск восходящего солнца, как свежая кровь. Он попросил права умереть первым, и отец не смог ему отказать. Даже Верелея, его старшая дочь, надела сегодня кольчугу и взяла в руки меч. Она тоже не желает стать храмовой рабыней – утехой для жрецов. Старшие дети смогут умереть достойно, как подобает детям правителя Дойна. Эргис беспокоился только о судьбе младших, оставшихся в родовом замке вместе с матерью и верными слугами: Лиерии было семь лет, а Энели всего четыре. Двое средних сыновей – близнецы пятнадцати лет Мелианор и Эйранел были при нем.

В свои сто семьдесят девять лет князь не питал иллюзий в отношении исхода грядущего сражения. Слишком мало защитников и почти не осталось магов. За победу дорцы заплатят дорогой ценой, но на сей раз вряд ли удастся удержать жадные полчища, рвущиеся через горы. Может, денери, как звали себя прародители и как до сих пор именовали себя чистокровные жители Дойна в память о них, прогневили богов своей надменностью? Но это в прошлом, как и бывшее величие. Или просто каждый народ приходит и уходит в свой черед, и теперь настала пора уйти светловолосым потомкам народа, покинувшего этот мир в незапамятные времена?..

С тех пор как южный сосед Дора – королевство Игмалион взялось планомерно вытеснять дорцев с Восточного материка, соединенного с Западным только узким Илайским перешейком, дорская корона, будучи не в силах справиться с растущей мощью южан, вновь устремила свой взгляд на север – на еще неподвластные ей богатые земли Дойна.

Противостояние двух народов длилось уже не первое тысячелетие. В давние времена денери жили по всей территории каверны, а может, это было и до разделения мира на участки, называемые теперь кавернами. Хроники освещали лишь период, когда потомки денери остались только на севере этой каверны. Предки нынешних дорцев пришли после глобальной катастрофы откуда-то с юга. Сначала их было совсем мало, и пришельцы не обеспокоили тогдашних правителей Дора, тогда еще Даэрна или Даэра. Даэрцы не были многочисленным народом и поначалу решили, что места хватит всем. Но со временем, где силой, а где хитростью и обманом пришедшие начали вытеснять даэрцев все дальше на север, отрезав их от исконных областей на севере Восточного материка. И вот теперь пришло время последней битвы.

Вдали показались ряды дорской панцирной пехоты, а за их спинами строились в ряды лучники. Где-то сзади копошились дорские жрецы и служащие им маги, там же черными пятнами виднелись и нигакте – зачарованные жрецами воины, но уж им-то развернуться он не

даст. По традиции князем мог стать не просто чистокровный денери, а только тот, кто обладал даром настоящего мага.

Князь поднял руку, и карайны рванулись с места серебрястыми стрелами, унося своих всадников в последнюю славную битву».

Молодой беловолосый мужчина оторвался от манускрипта, который только что перечитывал. Это был главный труд всей его жизни. Элианар ло'Райди еще некоторое время оставался в задумчивости, потом взял перо и дописал:

«Говорят, что от стрелы безвестного до той поры лучника князь умер далеко не сразу. Проклятие Дору, произнесенное им перед смертью, сыграло свою роль, когда южане решили присоединить полуостров к игмалионским землям. Те, кто слышал проклятие, давно мертвы, и никому теперь неизвестен его настоящий текст».

«Ветер разбросал нас, как палые листья поздней осенью. Время лишило былой славы. И даже наши имена стерлись из памяти потомков. Жизнь на чужбине горька, и нет ни единого просвета в доле покоренных», – с болью думал Элианар, перекладывая листы рукописи, разложенные на столе.

– Хасве! – услышал он голос хозяина. – Долго мне еще тебя дожидаться?!

«Хасве» было скорее ругательством, чем обращением, но слуга уже привык к этому и не обращал внимания на реплики хозяина, не относящиеся к сути дела.

– Одну минуту! Сейчас приду! – громко ответил он, чтобы глуховатый хозяин не заподозрил его в непочтении.

Со вздохом запихнув рукопись на нижнюю полку стола, мужчина поднялся и, захватив хозяйские бумаги, вышел в соседнюю комнату.

– Я уверен, что ты опять занимался посторонними делами! – забрюзжал хозяин, увидев вошедшего слугу. – Вечно ты занимаешься чем угодно, но только не тем, что тебе поручено!

– Что вы, да-нери Лорхи! Все, что вы мне поручили утром, уже дожидается вас! – С этими словами, поклонившись, он вручил пухлую папку в руки своего господина.

– Знаю я тебя, – продолжил бормотать тот, бегло просматривая бумаги. – Почему тогда не вышел сразу?.. – Но в его голосе уже не было прежнего недовольства.

«Хороший работник, только слишком уж любит отвлекаться на глупости», – думал он.

– Простите, да-нери, я еще раз проверил, все ли документы сложены в надлежащем порядке, – еще раз поклонился слуга.

Как обычно, увидев почтение и аккуратное отношение к работе, хозяин пришел в благодушное состояние и покровительственно потрепал исполнителя по плечу.

– Все. Пока свободен, но никуда не уходи, может, ты мне еще потребуешься, если нужны будут пояснения. – С этими словами он отослал слугу.

Элио вернулся в свою комнату и вновь достал рукопись, которая пока была озаглавлена просто: «Хроники Севера». В ней он пытался описать историю своего народа, а также самые интересные факты и легенды из прошлого земель, лежащих к северу от Игмалионского королевства, в состав которого они вошли не так уж давно. Записывал он и свои размышления на эту тему, без всякой надежды, что кто-либо когда-нибудь их прочтет.

Родом из денери – исконной аристократии Дойна, Элианар ло'Райди был рад, что ему удалось найти на территории Центрального Дора спокойную и не слишком обременительную работу, которая оставляла время на занятие любимым делом. А загадки древней истории с детства приводили его в трепет. На самом деле Элианар был гораздо старше, чем казался на вид, что было естественно для народов, живущих долго. Если бы не война, разрушившая привычный для него мир и отнявшая всех, кого он любил, денери продолжил бы свои научные

изыскания в родных краях. Время распорядилось иначе. Но Элианар радовался и такой возможности, ведь многие из его соотечественников не имели и этого.

Глава 1

Пришедшие с моря

«Испокон веков мощное течение, как широкая река, несет свои воды с востока к берегам Дорского полуострова и, наткнувшись на неприступные скалы севера, поворачивает вспять. Эти воды богаты рыбой и морским зверем, особенно вблизи берегов Райна¹. Но сколько человеческих жизней уносят каждый сезон внезапные и свирепые восточные шторма. Даже крупные корабли не рискуют покидать защищенные бухты, когда наступает время восточных ветров.

В легендах сохранилась память о том, что некогда с северо-востока приходили корабли. Ныне только море простирается до самого невидимого предела. Никому пока не удалось пересечь его и вернуться обратно. Однако из года в год на побережье непонятным образом появляются странные люди. Порой они даже не помнят своих имен, но каждый из них несет на себе печать тайны».

Элианар ло'Райди. «Хроники Севера»

В кромешной тьме под затянутым бурей небом тяжелые штормовые волны били в подножие узкого скалистого мыса, на котором стояло родовое жилище графа ло'Айри. Замок назвать его было нельзя – окруженный высокой каменной стеной дом в два этажа из дикого, слегка отесанного камня с деревянной надстройкой. Соленые брызги мелкой пылью долетали даже до ее окон, а от порывов ветра дребезжали стекла. На нижних этажах стекла уже не использовались, узкие оконные проемы защищали мощные двойные ставни. Но ничто не могло спасти молодую женщину, которая второй день умирала в этом доме.

Граф в оцепенении сидел у постели умирающей жены, которая так и не дожидаясь появления на свет их второго ребенка. Первенец, которому скоро исполнится семь, здоровый и крепкий мальчик, находился сейчас на попечении доброй пожилой служанки, нянчившей еще самого графа. «Море дало, море и уведет», – шептались слуги. Оно и правда, лодку с полуживой девушкой прибило к берегу после такого же шторма, пришедшего с востока. Откуда она, девушка объяснить не смогла, как то ли не могли, то ли не хотели говорить и другие пришедшие с моря. Их были единицы, но они появлялись, сколько помнили жители этих мест. Некоторых прибывало к берегу на лодках, других просто находили на берегу. Часть оседала здесь же, в приморских поселках, другие уходили вглубь страны по одним им известным причинам.

Светловолосая девушка с ясными серо-голубыми глазами не была красавицей, но молодому ло'Айри показалось, что она светится каким-то внутренним светом. В ее глаза хотелось смотреть не отрываясь, и граф взял ее в свой дом, а через полгода объявил о свадьбе. Через полтора года родился первенец, по мере возрастания становившийся все более похожим на своего отца.

Тяжелая жизнь на Северных Пустошах, как за глаза называли эти края редкие гости из центральных областей королевства и надменные дорцы, шла своим чередом. Скучная каменистая земля побережья не могла прокормить даже то малое население, что обитало в этих краях, кормильцем людей было неласковое северное море. Оно приносило улов рыбакам и охотникам за морским зверем, но порой забирало их самих. Потому в этих местах редко вспоминали Троиш, но помнили о Морской Матери, Урагане и других древних богах, чтили, но не прекло-

---

¹ Райнский архипелаг.

нялись в страхе, как этого требовали заезжие дорские жрецы. Но жрецы из Дора были здесь редкими гостями, в отличие от дорских пиратов, также желающих поживиться чужой работой, чужим телом и чужим страхом. Вот с ними шла постоянная война за право на жизнь.

Слез уже не было. Сорейн просто сидел, держа исхудавшую за сутки руку любимой в своих. Лаэрия запретила звать ведающих, сказав, что они все равно не смогут помочь, потому что это ее судьба. Граф, не послушав ее, сам отправился еще днем сквозь бурю к дому ведуньи и даже уговорил ее пойти с ним, хотя та сразу сказала, что ни в ее, ни в чьих-либо силах помочь его супруге. Придя в дом, ведающая ненадолго велела оставить ее наедине с уходящей. Пробыв с ней около получаса, ведунья вышла.

– Простите, милорд, не в моих силах помочь вашей жене, но... – Женщина запнулась, потом все же продолжила: – Выслушайте и отнеситесь серьезно к тому, что скажет вам она. Мне она поведала многое, и не все я могу открыть вам, но то, что вы услышите, очень важно.

– Спасибо вам за участие, матушка, – выдавил из себя Сорейн и подал ведающей плату – узелок с серебряным обручем его покойной матери.

– Уберите, милорд, – нахмурилась ведунья. – Я не возьму и медной монеты. Только исполните то, что скажет вам да-нери Лаэрия. Держитесь – все в руках Высших. Да помогут милосердные вам и вашим детям.

Граф подумал, что ведающая оговорилась, ведь у него был только один ребенок, и не придал значения этой оговорке. Он попросил доверенных слуг проводить пожилую женщину обратно в ее дом и приказал, чтобы взяли для нее хотя бы сладостей, которые, как он знал, матушка Веранна очень любила и не должна была обидеться и отказаться от такого подношения.

Проводив гостью до дверей, Сорейн поднялся наверх и вошел в комнату Лаэрии. Она по-прежнему обессиленно лежала на кровати, только теперь на ее лице появилось какое-то необычно спокойное выражение.

– Подойди ко мне, – тихо произнесла молодая женщина. – Мне надо сказать тебе кое-что важное.

Граф подошел и сел, взяв ее руку в свои.

– Что ты мне хочешь сказать, милая? – спросил он.

– Не надо плакать обо мне. Мое время истекло, хотя я и не думала, что это случится так рано.

Мужчина стиснул ее руку и неотрывно молча смотрел ей в глаза.

– У тебя подрастает сын, он будет тебе надежным помощником. Ты знаешь это. Но я хочу попросить тебя о другом. Я не смогла родить тебе второго сына, но не печалься. Когда ты найдешь на берегу моря, так же, как нашел меня, маленького мальчика – возьми его и воспитай как родного сына. Я не могу тебе сказать всего... Но... дай ему все тепло, которое ты подарил бы своему сыну... Он... – Лаэрия хотела еще что-то сказать, но внезапно закашлялась и замолчала, прикрыв глаза.

Сорейн дернулся, но она с трудом открыла глаза вновь и продолжила:

– Береги его... и он... убережет тебя и всех... – На этих словах женщину затрясло, она из последних сил приподнялась на кровати, сжав руку мужа.

Слеза скатилась по ее щеке.

– Прощай, – прошептала она и ослабла, осев на подушки.

Глаза Лаэрии закрылись, и Сорейн почувствовал, что ее больше нет. Он закрыл лицо руками и просидел так неизвестно сколько, в полузабытьи. К утру граф очнулся и, приказав слугам готовить тело к морскому погребению, сам ушел на берег моря.

Буря уже закончилась, ветер понемногу слабел, но волны с пенными гребнями еще мощно накатывались на побережье. Граф заметил, что сильным прибоем подломило несколько столбов в сараях, где сушились сети, – надо будет потом сказать плотникам, чтобы заменили их,

пока сараи не рухнули вовсе. Привычные мысли о повседневных заботах ненадолго отвлекли Сорейна от горя, в которое он погрузился после смерти жены. Граф пошел дальше вдоль берега туда, где серые от поднятого песка волны неумолимо с каждым большим штормом вгрызались в береговые скалы. В тихую погоду прибой уже не доходил до них, и там образовалась крохотная бухточка, где они с Лаэрией любили проводить время, особенно теплыми летними вечерами. Но сейчас волны еще захлестывали всю полосу песка под скалами.

«Вот войти бы сейчас в море и последовать за ней...» – мелькнула прохладная успокаивающая мысль.

Но граф оттолкнул ее, хотя это было смертельно больно. Нет, все же у него остался сын и эта странная просьба любимой. Такое пожелание всегда было законом для любого жителя побережья, и Сорейн, выросший, как и поколения его предков, в этом краю между морем, скалами и небом, думал так же. Что ж, если действительно море принесет ему сына, то так тому и быть. А уж что будет потом, так это будет потом.

Вечером Лаэрию положили в лодку, которую тянули вдоль берега сам граф и двое близких ему людей, и оттащили к Синей скале. Невдалеке от берега там проходило течение, уходившее в открытое море, на восток. Нечасто здесь вспоминали этот древний обычай, но тех, кто пришел с моря, возвращали ему именно в этом месте, когда на закате набирало силу течение, усиливаемое отливом. С началом отлива лодку оттолкнули от берега, и она поплыла, сначала медленно, потом все увереннее, словно знала, куда держать путь. Через час она стала просто точкой, мелькающей среди волн, и исчезла вдали.

С этого дня у графа ло'Айри вошло в привычку обходить морской берег утром и на закате, от Ржавых скал на западе до Синей скалы на востоке. В конце своего пути он подолгу стоял, глядя в море, пока не исчезали последние блики солнца на его волнах. Люди графа ничего ему не говорили и старались не обращаться к нему со своими делами в это время.

Поначалу эти обходы были ежедневными, но постепенно Сорейн начал возвращаться к обычному распорядку дел, и прогулки по берегу становились реже. Дружинники графа взяли большую часть патрулирования берега на себя. Только во время сильных бурь он регулярно сам проходил этот маршрут по берегу, не доверяя никому.

Так прошло полтора года.

Осеннее небо над окрестностями города Ройден на восточном побережье Дорского полуострова в этот день было на редкость ясным, и солнце пригревало почти по-летнему, когда на прибрежную полосу песка из подошедшей к берегу лодки выпрыгнули двое юношей, один темноволосый, постарше и выше ростом, а второй – скорее подросток со светло-пепельными волосами и хрупким телосложением. Они помахали мужчине, сидевшему на веслах, и лодка быстро отошла от берега, направляясь в обратную сторону. Оба товарища поспешили отойти от воды и углубились в лабиринт скал, окружающих храм. Они заранее решили, что днем у них будет больше шансов остаться незамеченными среди прочих обитателей храма и выяснить, где находится мать Калена, как звали старшего юношу. Найдя ее, они собирались вернуться обратно через скалы на открытый берег, где и подать условленный сигнал человеку, который доставил их сюда. В крайнем случае, молодые люди собирались вместе с матерью Калена добраться до ближайшей рыбацкой стоянки и там попросить доставить их с узкой косы, на которой находился храм, обратно в город.

Однако в этот день удача явно была не на их стороне или они своим дерзким поступком прогневили древнюю богиню: выбравшись из скального лабиринта, товарищи почти сразу натолкнулись на одного из старших жрецов храма, обходившего окрестности вместе с храмовой стражей.

Калена замучили до смерти там же, на пляже, останки тела по частям выбросили в море, которое сразу вскипело от любителей дармовой еды. Арэн думал, что он будет следующим, но жрец посмотрел на него оценивающим взглядом и велел отвести в храм. Юноша понял, что значит этот взгляд, так смотрели на него охранники у дверей дома, куда его сестра устроилась служанкой. Иногда брат приходил проведать сестру, а охранники стремились дотронуться до него и делали вполне определенные жесты – Арэн с его тонкими чертами лица и шелковистыми пепельными волосами уродился слишком красивым для сына безродного плотника. Сестра была в мать, светловолосая и улыбчивая, а он вырос непохожим ни на нее, ни на отца. Тот порою качал головой, глядя на сына, но никогда ни единым словом подозрения не обидел их мать.

Арена быстро отвели в одну из комнат храма и заперли там одного. Чтобы отвлечься от страшных мыслей, юноша невольно вспоминал рассказанное его отцом.

Около пятнадцати лет назад соседний Игмалион завоевал их государство. Но на удивление грабежей и захвата рабов не случилось. Наоборот, страшный Мертвый Герцог запретил рабство и провел несколько рейдов против пиратов и бандитов. Правда, королевскую династию и некоторые из аристократических родов вырезал под корень, чтобы и не думали о восстановлении своего престола, но разве таким, как отец Арена, было до этого дело? Подати не увеличились, зато с центральных площадей исчезли рабские рынки, где пираты продавали невольников с континента, а рядом родители продавали детей, а мужья жен. Жуткое древнее Семейное уложение было отменено. По нему дети считались собственностью родителей до семнадцати лет, с этого возраста сыновья могли распоряжаться всем вновь приобретенным имуществом самостоятельно, а после смерти родителей – и своими сестрами, не вышедшими замуж. Замужние женщины переходили в собственность их мужей.

Отец Арена никогда не относился подобным образом ни к своей жене, ни к детям. Но в других семьях отголоски этих обычаев жили и до сих пор. С площадей ужас ушел за толстые каменные стены домов, а храмы хоронили свои темные дела в глубинах моря. Поэтому и до сих пор отцы женатых сыновей могли потребовать благосклонности от своих невесток, господ от слуг, а храмы брали оплату за долги живым товаром. Храмовые слуги теряли все – от своего достоинства до каких-либо частей тела, да и жили недолго – обряды требовали жертв.

Хромому рыбаку, отцу Калена, нечем было отдать долг храму, удача не сопутствовала ему последние декады. Сын был уже старше семнадцати, и храм забрал за долги его жену. Кален решил выкрасть мать из храма и уговорил отца эмигрировать в Игмалион, пусть даже на забытые всеми богами Северные Пустоши, лишь бы сбежать из этого кошмара. Арэн взялся помочь товарищу.

Через несколько часов, когда уже начало темнеть, Арена привели в небольшое помещение, где его ожидал тот самый старший жрец, который стал виновником их неудачи. Первым делом этот человек спросил, кто помог им добраться до храма, и рассказал про путь через лабиринт; ну и, конечно, зачем товарищи пытались тайком пробраться в храм. Арэн собрался молчать в любом случае, правда, судя по поведению жреца, того, пожалуй, больше интересовал сам юноша, а не его ответы.

Через час, когда Арена мутило и ноги едва держали его, жрец вновь приступил к расспросам. Юноша понимал, что у жрецов есть способы разговорить кого угодно, но решил держаться сколько сможет.

– Мразь! – От хлесткого удара старшего жреца по лицу из глаз Арена брызнули слезы, но он молчал.

Вырваться было бесполезно – двое дюжих послушников крепко держали его, вывернув руки.

– В подвал его! К агуалам! Посмотрим, что он запоет...

И парня оттащили в каменный мешок в подвалах храма. Жрецы ожидали, что вскоре услышат мольбы о милости, но не дождалось. Попав в холодный и влажный изнутри каменный мешок, Арэн на какое-то время впал в забытие от всего пережитого за этот день, а когда очнулся, десятки слизких тварей уже присосались к его телу в разных местах, он молча пытался срывать их, и они отрывались, оставляя проеденные дырки на коже. Потом, обессилив, он снова потерял сознание.

Когда через сутки юношу вытащили из подземелья, у него не хватало левого глаза, двух меньших пальцев на правой руке и многих кусков плоти на других местах. Кровь, правда, не текла, в слюне агуалов было кровеостанавливающее вещество. Младший жрец печально присвистнул:

– Да он теперь ни на что не годен! Все объели.

– Не совсем все! – хихикнул второй, глядя в упор на обнаженного юношу. – Может, исправить?!

– Да Храг с ним, пусть катится на все четыре стороны. Он нам больше не помеха.

– Как знаешь... А старшие не спросят потом с нас? Они же хотели что-то узнать.

– Хочешь, пойдешь и сообщи. Сам потащишь этот огрызок к ним и отчитаешься о работе.

Я не буду больше руки марать.

– Ну вот еще, они спросят, почему не проверил раньше...

– Вот и я говорю: пусть катится.

– А если спросят, где?

– Скажешь, съели. Я подтверждаю. Иногда на этих тварей и правда находит жор, так что чуть не уследишь, и тью-тью...

Вскоре, накинув на Арэна старый плащ, его вытащили через калитку, ведущую на берег моря, и, оттащив к ближайшим скалам, бросили там. Молодые жрецы были совершенно спокойны – то, что не доели агуалы, доедят морские твари, стоит только юноше зайти в воду, да и вообще с такими ранами долго не живут.

Однако на этот раз жрецы ошиблись, свежий ночной воздух привел юношу в чувство, и он машинально пошел тем путем, по которому пришел на территорию храма. Потом, добравшись до первой же рыбацкой стоянки, никем не замеченный, отвязал какую-то лодку и, оттолкнув от берега, перевалился через борт. Некоторое время он даже смог кое-как поработать веслами, чтобы удалиться от берега, после чего упал на дно лодки и отдался на волю богов. Ветер и набирающий силу отлив потихоньку уносили хлипкое суденышко с беглецом в открытое море.

Прошло почти полтора года со времени смерти Лаэрии. Однажды, уже ближе к осени, когда подули холодные ветра и небо уже с утра все чаще оказывалось затянутым тяжелыми свинцовыми тучами, беспокойство вновь овладело графом ло'Айри. Его люди перешептывались, но приняли как должное, что их владетель все чаще стал делать обходы сам, иногда с кем-то из дружинников, иногда в одиночестве.

Море штормило уже третий день, выходить на лов было бесполезно и опасно – северо-восточный ветер легко мог сорваться стремительным шквалом с востока, да и рыба в такую погоду уходила в глубину. Сорейн отправился на запад, к Ржавым скалам, еще задолго до вечера. Ветер понемногу крепчал. На обратном пути к мысу, на котором находился его дом, начался дождь, ветер явно переходил к востоку, начиналась буря.

Накинув капюшон плаща, граф шел, наклонившись вперед, навстречу ветру, не забывая при этом внимательно оглядывать прибрежный песок и торчащие из него скалы, которые уже захлестывали первые штормовые волны. Вдруг между двух стоящих вертикально почти плоских обломков скал он заметил застрявшую лодку. Сорейн мог поклясться своим родом, что на пути от дома к скалам ее в этом месте не было, в то время еще хватало света, и он неспешно оглядывал берег.

Не обращая внимания на хлесткие струи дождя и резкий ветер, граф бросился к лодке. Слишком близко от воды, штормовые волны скоро разобьют скорлупку в щепки. Ожидал ли он то, что увидел? Наверное, да. Подогнув под себя ноги, на дне лодки сжался мальчишка, совсем еще малыш, судя по росту, лет трех-четырёх. Сорейн подхватил его на руки, и тут же большая волна ударила прямо в створ скал, между которых застряла лодка. Граф чуть не задохнулся от потока солоновато-горькой воды, ударившего ему в лицо, но не отпустил прижатого к груди ребенка. Когда волна откатилась, лодки между скал больше не было, только несколько обломков досок застряли между камней. Сорейн, увязая в мокром песке, рванулся прочь от моря, унося найденныша.

Береговая тропа была опасна при таком разгуле стихии, пришлось по скользким от дождя камням, спотыкаясь, карабкаться наверх, на стежку, ведущую по холмам. Выбравшись на нее, Сорейн осмотрел мальчишку, тот находился без сознания, но видимых ран и переломов не было, и граф поспешил к дому со всей возможной скоростью. Но в такую погоду две мили, отделявшие его от дома, заняли в три раза больше времени, чем обычно.

Когда принесенный морем пришел в сознание, Сорейн спросил его: «Кто ты?» Мальчик ответил: «Халег». Объяснить, откуда он и как оказался в море, малыш не смог.

А через три дня шестьюстами милями к западу прибило старую лодку с обезображенным до неузнаваемости человеком, скорее всего подростком. Дело было днем, и жители поселка, узнав о находке, высыпали на берег. Однако, увидев незнакомца, все застыли в нерешительности. На первый взгляд юноша казался мертвым, и селяне спорили в основном о том, что могло оставить на нем такие чудовищные раны. Они тихо переговаривались, некоторые женщины всхлипывали, но никто не осмеливался приблизиться.

Однако через некоторое время в толпе раздался ропот, и она раздалась, пропуская высокую худую женщину лет сорока пяти на вид, темноволосую, в черном балахоне, с некрасивым, но властным лицом. В поселке ее прозывали Карада, вряд ли это было имя, но так уж повелось, она и сама отзывалась на это прозвище. «Ведьма, ведьма», – пронесся легкий шепоток. Женщина в черном только криво усмехнулась, прекрасно слыша даже самый тихий шепот в толпе. Впрочем, ей не было никакого дела до глупых селян.

Ту, кого называли Карада, уважали и побаивались, хотя за все тридцать с лишним лет жизни в этом забытым богами поселке она ни разу не причинила зла ни одному живому существу. Да, в порыве раздражения, например, на подростков, устроивших в пылу игры гвалт возле ее дома, она не раз обещала проклясть их всех, а потом снять проклятие с невиновных, буде такие случайно попадут под горячую руку. Но ни разу пока никого не прокляла, а, наоборот, лечила селян травами и заговорами, не раз ставила охрану и отвод злых умыслов, если поселку грозила опасность извне. Но досужие слухи все равно ползли по домам. Говорили, к примеру, что она самая настоящая черная дорская ведьма, которая проиграла своей сопернице и вынуждена была отправиться в изгнание. Правды не знал никто, поэтому домыслы были самые фантастические.

Учениц ведьма не брала, да оно и понятно, все местные с даром ведающих были светлыми, а дар Карады – темным. Это единственное, что известно было наверняка. И вот сейчас, пройдя через расступившуюся перед ней толпу, она, не останавливаясь, подошла к несчастному, лежавшему в лодке, и наклонилась над ним. Через несколько мгновений выпрямилась и сказала, повернувшись к селянам:

– Он жив. Жизненная искра еще не покинула тело. Я беру его к себе. Есть здесь хоть один мужик, кто поможет мне донести парня до моего дома?

Селяне громко зашушукались. Было что-то зловещее в принесенном волнами юноше, да и сама Карада внушала опаску. А не исполнить просьбу ведьмы – навлечь беду наверняка. В конце концов кто-то не выдержал и стал пробираться вперед.

– Я подсоблю, да-нери Карада, – вышел вперед крепкий мужик с какой-то клочковатой бородой и растительностью на голове.

В толпе кто-то хихикнул.

– Сован-непутевый несчастий на свою голову ищет, – слышался бабий голос.

– Али приглянулась ему ведьма, – добавил другой с издевкой.

– Молчали бы, беспутные, глядишь, и обойдет вас несчастье, – обронила, ни к кому не обращаясь, ведьма, и все голоса тут же стихли, стало слышно, как жужжат насекомые.

– Ну дак что ж? Беру это я парня? – спросил тот, кого называли Сованом, поклонившись темной ведающей.

– Бери, раз вышел, – хмыкнула та, рядом стало видно, что ведьма чуть ли не на голову выше помощника, да и в плечах не ўже. – Бери под руки, а я с другой стороны возьмусь.

– Да, может, я сам? Я сам донесу-то, в убогом и веса-то нет.

– Делай, как велено! – оборвала его Карада. – Да неси не как мешок!

Вытащив юношу из лодки, они перехватили его поудобнее и пошли через широко расступившуюся толпу. Аккуратно ступая, Карада стала пятиться спиной вперед по направлению к своему дому, выстроенному на окраине поселка около скал. Идти было недалеко, и, несмотря на неудобную ношу, вскоре ведунья и ее помощник достигли дома. Карада велела заносить парня и класть прямо на ее кровать. Сован смутился было, но взгляд ведающей был строг и не допускал возражений. Вздохнув, мужчина исполнил приказ.

– А теперь иди сюда! – позвала его ведьма обратно во двор.

Сован послушно подошел.

– Останешься помогать мне по хозяйству, пока парень не оклемается. Мне потребуется много сил, чтобы поставить его на ноги, и недосуг возиться с хозяйством. Будешь делать все, как я скажу, и точно в срок – не обижу. На пока монету и иди колоть дрова.

Помощник промямлил что-то невнятное, но от монеты отдернул руку, как от ядовитой твари. Ведьма рассмеялась:

– Бери, не укусит! А впрочем, как хочешь... Топор возле поленницы. Наколи мелко, мне нужно много щепы, но не все, часть оставь половинками.

Сован покосился на нее, но монету так и не взял, направившись к поленнице. Оттуда вскоре слышались удары топора. Ведунья же направилась в дом, где без промедления занялась парнем.

Ее новый помощник по хозяйству во время передышек слышал то тихое, то громкое пение, прерываемое возгласами на непонятном языке. Сован уже корил себя за то, что вызвался в подручники, страх перед темной ведьмой был силен, а теперь она еще и привлекла его на постоянную работу. Кто знает, что еще ведьма придумает, а отказаться и того боязней. Поленья были нетолстые, как и везде в округе, ладно хоть такие есть, говорят, что дальше по берегу настоящие дрова – роскошь, топят торфом и плавником, если случается найти, а все дерево возят далеко из-за прибрежных холмов.

Переколов почти все дрова, но не осмеливаясь остановиться, пока не разрешат, Сован увидел вышедшую во двор Караду и ужаснулся – на ту было просто жутко смотреть, не видел бы пару часов назад – не узнал бы. Лицо побелело и осунулось, глаза впали.

– Эй, помощник! – хрипло произнесла ведающая. – Подай-ка ведро воды.

Увидев, как заметался Сован, не зная, где его взять, добавила:

– Не мечись! Вон там, у плетня.

Сован схватил ведро и подбежал к ведьме.

– Опрокинь на меня все!

Глаза мужчины расширились, но он исполнил ее просьбу. Вода была совсем не теплая – не лето уже. Карада охнула, когда Сован окатил ее, но быстро встряхнулась. «Кажись, полегчало», – с облегчением подумал тот.

– А теперь бегом за водой. Надо еще ведер пять. Потом топи печь на улице, вон – в углу. Грей воду. Парня надо обмыть. А я пойду в дом. Сделаешь все – постучишь. – И она, набрав охапку дров и щепы, удалилась.

Когда часа через полтора запыхавшийся помощник постучался в дом, то услышал голос:

– Заходи. Я хороший отвар заварила, сил придает. Тебе тоже на пользу будет.

Мужчина вошел. Ведунья уже выглядела отдохнувшей. Он бросил взгляд на парнишку, все так же лежащего на кровати, и, о чудо, кошмарные раны почти исчезли с его лица, только глаз, понятное дело, не появился. Теперь он уже вовсе не смотрелся мертвецом, как недавно на берегу.

– Проходи, вон в кружке тебе отвар. Пей, а я напою мальчишку. – И Карада направилась к больному.

От ее прикосновения паренек открыл глаза и стал удивленно озираться.

– Очнулся, пропащий! – по-доброму усмехнулась ведунья. – Вот пей – это целебный отвар.

– Где я? – Мальчишка попытался приподняться, но со стоном рухнул на постель.

– Не скажи пока, потерпи. Тебе надо набраться сил, да и раны твои не зажили еще до конца. А где? Так у меня дома.

– Я сел в лодку, и меня понесло в море... Куда я попал?

– А откуда ты плыл?

– Из Дора. – Юноша поморщился.

– Да-а... порядки в Доре не меняются, – скривилась ведающая. – Да ты пей, потом поговорим, будет еще время.

Она стала аккуратно поить найденыша из чашки, затем продолжила:

– А попал ты на Северные Пустоши, знаешь такие? Кстати, как звать-то тебя?

– Арен. Про Северные Пустоши я слышал. Я вот добрался, а они нет... – из единственного глаза парнишки потекли слезы.

– Кто «они»? – озабоченно спросила Карада. – С тобой был кто-то еще?

– Нет. Калена убили, его мать так и осталась в храме, а что с его отцом – не знаю. Это они собирались бежать сюда, я только попытался помочь, и вот...

– Так ты бежал из храма? Это там тебя так изуродовали? – В голосе ведьмы заскрежетал металл.

У Сована мурашки побежали по коже. А парнишка как ни в чем не бывало ответил:

– Да. Мать Калена забрали за долги мужа в храм, мы хотели помочь ей бежать и попались сами. – Арена затрясло.

Сован, изумившись сам себе, подошел ближе к мальчишке с Карадой и сказал:

– Да ты лежи, сынок, не вспоминай пока. Мы вот сейчас помоем тебя, а потом отдохай.

– И то верно, – вздохнула ведающая. – А то вода остынет.

Вскоре, разведя воду в лохани, Сован с Карадой отнесли в нее Арена и осторожно обмыли. Открытых ран на его теле уже не было, чему новоявленный помощник ведуньи изумился еще раз. Вытерев и принеся юношу обратно в дом, Карада отпустила Сована, сказав, что дальше справится сама, и велев приходить завтра днем. На прощание она насильно сунула ему в руку большую серебряную монету². На этот раз мужик не посмел отказаться. Всю дорогу до своего домишки он думал то о монете, на которую мог прожить чуть ли не полгода, то о мальчишке, который напомнил ему о так и не сложившейся семье, то о темной ведьме, которая явно отдала немалую часть своих жизненных сил, чтобы вернуть найденыша к жизни.

---

² На севере Игмалиона имеют хождение не только игмалионские далеры, но и старые дорские монеты, а также более древние. Оцениваются они по весу. Большая серебряная монета приблизительно в десять раз больше игмалионского далера и ценится наравне с игмалионским золотым и даже несколько дороже.

Вечером, после мытья, Арэн все же рассказал Караде свою историю. Покормив мальчишку бульоном и напоив его успокоительным настоем, после которого тот вскоре заснул, ведунья еще долго обдумывала его рассказ.

По всему выходило, что вряд ли он в таком состоянии протянул бы даже два-три дня, за которые лодку могло принести в эти края при благоприятных условиях, не говоря уже о том, что парня вынесло прямо к дому одной из лучших ведающих всего побережья, каковой не без основания считала себя Карада. Интересно, кто из богов положил на парня глаз и за что ему выпали такие страшные испытания?.. Может, не случайно глупые молодые жрецы походя помянули Храга – Собирателя Душ? Не всегда одноглазый Собиратель дожидается душ в Нижнем Мире, не зря его так боялись клятвопреступники, лжесвидетели и нарушители обетов, ох не зря... Не любит он и тех, кто, прикрываясь словами о благе, творит зло...

Закатное небо отражалось в мокрой прибрежной гальке, играя на ней рыжеватыми отблесками. Море катило зеленоватые волны вдаль от острова, к берегам Дора. Внезапно черная молния прорезала небо над каменистой косой, уходящей в море, и на гальке появился скорчившийся человек в черной кожаной одежде и с такими же черными волосами ниже плеч. Когда человек, застонав, разогнулся, стало видно, что это юноша со светлой кожей и голубыми глазами.

Извернувшись в падении, как кошка, Ирион приземлился на ноги и сразу перекатился, но одну ногу он все-таки повредил: сказала высота падения. Ощупав ее, юноша убедился, что перелома нет. Но больно, очень больно!

Он сорвался при прыжке и упал на краю плато в каменный колодец, у которого, как говорили, нет дна. Зря говорили – вот оно дно. Преследуемый нехсаре, Ирион прыгнул через край провала на другую сторону. Семь шагов для него не расстояние, но ненадежный камень вывернулся из-под ноги и потянул за собой. Нехсаре – полулюди-полудухи, чистая сталь их не берет, раны затягиваются слишком быстро, только заклятая особым образом на крови, но Ирион был еще слишком молод, чтобы владеть заклятым оружием, приходилось полагаться на свою ловкость и скорость.

Где же это он оказался? Наверно, это другой мир, столько воды до самого горизонта... Море – вспомнил он название. Там, где Ирион прожил предыдущую часть жизни, море существовало, но где-то далеко от мест, в которых прошло его детство. Море юноше понравилось, хотя видеть столько воды до самого горизонта было непривычно. О существовании других миров он слышал, но никто не рассказывал, как они выглядят. Юноша потянулся к воде и попробовал ее – солоновато-горькая, значит, пить ее нельзя. Надо найти обычную воду. Но как ему теперь двигаться? Лодыжка распухла на глазах. При таком повреждении надо бы плотно замотать ногу и желательнее привязать к ней какую-нибудь деревяшку. Вокруг не было видно ни деревца, ни кустика, одни камни и скалы. Даже замотать ногу было нечем, все его хозяйство – кожаная одежда на голое тело и меч с кинжалом на поясе, не считая разных полезных мелочей в мешочке.

подавив боль, юноша, прихрамывая, побрел вглубь острова, где надеялся найти пресную воду, а может, и людей, которые смогут ему помочь.

Он прошел не так уж много, когда услышал вдали человеческие голоса, и направился на их звук. Приблизившись к источнику звуков, Ирион замедлил движение, человеческие голоса ругались между собой, что было понятно без слов. Однако искать других людей времени не оставалось – начинало смеркаться. Несколько раз споткнувшись, что вызвало острую боль в вывихнутой лодыжке, юноша вышел на источник голосов.

Посреди стоящих торчком скал раскинулся небольшой человеческий лагерь. Неопрятные люди сидели вокруг костра, на котором варилась пища, некоторые сварливым тоном раз-

говаривали друг с другом, другие лежа обнимались с такими же неопрятными полураздетыми женщинами, третьи – со стеклянными бутылками с темной жидкостью.

«Эт шерх, нор ваэ?» – попытался произнести юноша стандартную приветственную фразу прибывшего в чужой лагерь, что означало: «Кто вы и куда лежит ваш путь?» – но его губы, к величайшему удивлению Ириона? произнесли:

– Какого вы рода? Я хотел бы быть вместе с вами.

Почти все без исключения люди, даже занятые чем-то своим, повернулись на его голос. Они были удивлены не меньше самого Ириона.

– Ты кто? – произнес один из лежавших рядом с женщиной. – И вообще, откуда ты взялся?!

Голос не предвещал ничего хорошего, видимо, мужчина был главным у этих людей. Юноша хотел сказать нечто другое, но снова неожиданно для себя произнес:

– Я пришел с моря. Надеюсь на вашу доброту.

Кто-то при этих словах хихикнул, но главный сказал:

– Если хочешь быть с нами, тогда садись к костру, бабы тебя накормят. А потом, – добавил он, – можешь и поваляться с ними.

Юноша понял только одно: его не прогнали и позволяют поесть из общего котла. Он как-то поблагодарил главного и присел к костру. Одна из женщин, не занятая ни с кем из мужчин, навалила ему еды в глиняную миску и отползла в сторону. Ирион с удовольствием поел и решил вымыть миску, как полагается по закону гостеприимства. Однако его порыв был уничтожен на корню – молодая женщина подсела к нему и обняла за плечи. Ирион не запомнил, о чем они говорили, но в результате остался с ней на всю ночь.

Утром ему было хорошо. До этого раза ему не приходилось быть с женщиной – это была привилегия старших. Нога уже почти не болела – юноша восстанавливался очень быстро, что всегда вызывало зависть у соплеменников. Лежа под шерстяной накидкой рядом с весьма привлекательным женским телом, Ирион вспоминал, что его народ, как ни странно, тоже относился к нему как к чужаку до поры, пока он не стал вместе с воинами резать всех, кто посягал на их территорию. Таковых было немало, начиная от безродных кочевников и кончая существами, мало похожими на людей. Сам Ирион вырос в лесу вблизи большого озера Онг. Его воспитательницей была пожилая женщина, лечившая травами и наговорами все ближайшие людские поселения. Своих родителей он не знал, но его приемная мать сказала однажды, что он более чем просто человек. Что это значит, юноша не понимал до сих пор. Большое озеро, на противоположном берегу которого лес выглядел кустарником, Ирион преодолевал быстрее всех раза в два. Воду он любил, и она любила его. Юноша зачерпнул горсть песка и всмотрелся в него, – на берегах Онга не было песка, только земля и древесные корни. Песок тоже посмотрел на юношу и запомнил его.

Люди начали постепенно просыпаться; кто-то ругался, кто-то звал кого-то. Юноша освободился от объятий женщины и попробовал встать. Ему это удалось. Нога уже почти не болела, но Ирион знал, что для полного выздоровления ему нужно еще не меньше двух суток. Кто-то пристально посмотрел на него, юноше этот взгляд не понравился, в нем чувствовалась неприязнь и еще что-то.

«Сор элге раш шме?! – произнес он. – Зачем ты смотришь на меня так?» – Но окружающие услышали:

– Какого дерьма ты на меня так смотришь?!

Этот некто вскочил и обнажил клинок, с которым, видимо, спал. Юноша взвился, как смерч над водой. Клинок в его руках казался живым продолжением плоти. Он не видел, как главный вздохнул и отвернулся к своей женщине.

«Снорг был не из лучших, и при этом давно нарывался, – подумал капитан, увидев движения новичка. – Что ж, отсеб слабаков делает команду сильнее».

Спустя три мгновения острие меча Ириона вошло в сердце невольного обидчика, и все было кончено. Юноша даже удивился, что вооруженный человек так плохо владеет своим оружием, мастер Изгол за такое умение избил бы его клинком плашмя по неприятным местам, иначе на плоскогорье любой мужчина не выживет и полдня. Женщин это не касалось, их защищали мужчины. Но даже некоторые женщины владели своим оружием значительно лучше его противника.

Две декады спустя под истошный скрип мачт, стонущих под порывами восточного ветра, Ирион вспомнил слова воспитавшей его женщины: «Время там, где ветер». Пираты, а он теперь уже знал, кем являются люди, к которым вывело его провидение, были в панике: живой товар, на прибыль от которого надеялись все, похоже, надо было скидывать с борта – Мать Моря гневалась. Женщин по одной подводили к корме и заставляли прыгать в бушующие волны. Ирион не знал, умеют ли они плавать, как он. До берега ближайшего острова было шагов шестьсот, но на камнях вскипали пенные фонтаны.

Пираты юноше не понравились, хотя многие из них стали уважать его за хорошее владение оружием. Но сейчас, пожалуй, стоило помочь женщинам, да и общество пиратов надоело. И как был в одежде и с оружием на поясе, Ирион шагнул за борт.

Плавать в горькой воде оказалось гораздо легче, чем в обычной, но мешали волны. Немного приноровившись к ним, юноша стал оглядываться в поисках женщин. Вскоре он увидел их. Они плыли группой, явно стараясь держаться вместе, несмотря на волны. Они хорошо держались на воде, хотя двигались не очень быстро. Некоторые из них поддерживали друг друга, только одна из плывущих сзади постепенно начинала отставать все больше и больше, а остальные, похоже, не замечали этого. Ирион направился к ней.

Молодой женщине, кажется, было плохо, и она иногда судорожно хватала ртом воздух. «Не волнуйся! Держись за меня», – сказал ей Ирион и сам положил ее руку на свою талию, чтобы та не схватилась ему за шею, как это бывает иногда. Женщина сначала дернулась и удивленно посмотрела на юношу, но вроде поняла и уцепилась за его пояс.

Вдвоем плыть было намного тяжелее, но все же они постепенно приближались к остальным. Теперь главное было найти место, где нет больших острых камней. Поднявшись на очередной волне, которые у берега становились намного выше, будто вставая во весь рост, Ирион присмотрел такое место и стал грести к нему.

– Вы куда?! Гребите левее! – вдруг послышался громкий женский крик за его спиной.

Юноша очень удивился, но послушался: возможно, та, что кричала, лучше знала это место. В результате ему пришлось выгребать наискосок, что замедлило движение. Первые женщины, дождавшись большой волны, уже выбрасывались на берег, стараясь после этого отбежать вверх по склону как можно быстрее, когда Ирион со своей женщиной только приблизился к остававшимся в воде. Несколько женщин сгрудились на месте, поддерживая ослабевших подруг. Оглянувшись, он внезапно увидел огромную волну, приближавшуюся к ним, и в то же время услышал голос той самой женщины, что приказала ему грести левее:

– Девочки, это наш шанс! Хватайтесь за нее!

Через несколько мгновений волна докатилась до них, и все стали грести из последних сил, стараясь удержаться на ее мощной спине, неудержимо стремящейся к берегу. Было видно, как уже выбравшиеся на сушу побежали в сторону скал и стали карабкаться на них, чтобы не быть смытыми обратно в море этой волной. Волна ударила в подножие скал и стала откатываться назад, пытаясь утянуть с собой людей. Ирион схватился за какой-то обломок скалы, торчащий из песка, и сжал руки изо всех сил. Вода откатилась, оставляя его вместе с женщиной, судорожно вцепившейся в его пояс, на берегу. Но тут же он услышал крик отчаяния и, взглянув вниз, увидел, что какую-то из женщин, сорвавшуюся со скалы, утягивает обратно в море.

На то, чтобы расстегнуть пояс с оружием, хватило пары секунд, и юноша бросился вниз, утопая в мокром песке. Сзади послышались окрики, но он не слушал их. Понимая, что не успевает, в последнем рывке он упал, хватая скользившую по песку женщину за волосы, и тут же их накрыло новой волной. От неожиданности юноша наглотался горькой воды с песком, но, когда волна откатилась, рванувшись изо всех сил, он все же успел перехватить женщину за руку и протащить вверх по берегу, куда морские валы почти не докатывались. Там он в изнеможении упал на песок, а женщину подхватили под руки подоспевшие товарки.

Отплевавшись и отдышавшись, Ирион осмотрелся. Перебравшись несколько в сторону, где берег был повыше, женщины отжимали волосы и платья, тихо переговариваясь. Юноша встал и направился к ним.

Навстречу ему поднялась худая женщина средних лет, она держала в руках пояс Ириона. Юноша узнал ту самую, что командовала в море.

– Спасибо тебе за помощь! – негромко произнесла женщина, подойдя к нему и отдав вещь. – Если бы не ты, то мы потеряли бы еще двоих.

– Не всем удалось добраться до берега? – спросил юноша, ему было больно, что он не успел помочь.

Женщина, кажется, поняла его:

– Одна из нас не выплыла после прыжка с корабля, возможно, ударилась о воду и потеряла сознание...

Ирион тяжело вздохнул.

– Не кори себя! То, что спаслись остальные, уже чудо.

– А почему нельзя было выходить на берег правее? – решил он задать вопрос.

– Там зыбучий песок. Ты бы не смог выйти из воды. – А потом, поясняя непонимающему юноше, добавила: – Я родом с одного из соседних островов. На счету этого места немало погибших людей.

Ирион кивнул, и женщина спросила его:

– Почему ты ушел с корабля?

– Мне не понравились пираты, – ответил юноша.

Кто-то из женщин, услышав его ответ, истерически рассмеялся, остальные заговорили громче.

– Прости их! – вздохнула его собеседница. – Они еще не успели осознать до конца, что избежали страшной участи, которая их ожидала. Но почему ты тогда, придя в лагерь, сказал, что хочешь быть с ними?

– Надо же было что-то сказать, – дипломатично ответил юноша, понимая, что объяснение о случайно получившейся фразе только вызовет лишние вопросы, на которые он не сможет ответить. – У меня сильно болела нога, и не было воды, которую можно пить.

Женщина понимающе усмехнулась.

– Если хочешь, можешь пойти с нами, – сказала она. – На другой стороне острова есть два довольно больших поселка, там ты сможешь найти кого-нибудь, кто отвезет тебя домой.

Ирион грустно вздохнул. Собеседница поняла его по-своему и добавила:

– А если тебе некуда возвращаться, то, может быть, найдешь там работу для себя. Если что, я подтверждаю, что тебе можно верить.

Ни молодой человек, ни женщины не видели, как рухнула на покинутом ими корабле задняя мачта, разрывая и путая паруса и такелаж передней. Неуправляемую пиратскую шхуну стало сносить к коварным Киранским отмелям, после каждого шторма меняющим свои очертания. Там она в конце концов и застряла в зыбучих подводных песках. Мало кому из команды удалось спастись, добравшись до окрестных островов. Спасшимся оставалось гадать, погу-

было или спасло их то, что неизвестно откуда взявшийся странный юноша непонятно почему выпрыгнул с корабля вместе с невольницами, сброшенными за борт.

На самом деле Ирион забыл и думать о корабле, покинув его. Добравшись до ближайшего поселка вместе с женщинами, он, не найдя ничего интересного там, отправился в странствие по островам Райнского архипелага, что находится к востоку от Дорского полуострова и к северу от земель, называемых Северными Пустошами.

Глава 2

Хальдра

«Путешественники рассказывают, что среди северных гор и в самих недрах Стайского хребта есть забытые храмы и города, а на склонах горных вершин вырезаны лестницы, которые не ведут никуда. В этих городах давно никто не живет, и неизвестно, кто жил там прежде. Стены храмов испещрены странными символами и надписями на неизвестном языке. Кому поклонялись там, о чем повествуют или предупреждают эти письмены? Сколько древних заклятий ждут своего часа, чтобы проявить себя?

Древние легенды упоминают о повелителях моря и неба. «Неведомы глубины морские, но еще больше тайн хранят небеса, а земля – только ступень между ними», – так они говорят».

Элианар ло'Райди. «Хроники Севера»

Война за «присоединение» Дойна к Дору отошла в прошлое. Дорский полуостров успел стать Дорской провинцией королевства Игмалион. Мирная жизнь со скрипом вошла в обычное русло, когда из пограничных селений у подножия Стайского хребта и продолжающей его к западу Архенарской гряды неожиданно начали пропадать дети. В основном это были мальчики лет трех-четырёх, хотя среди них оказалась и одна девочка того же возраста. Пропажи происходили с обеих сторон – и с основной территории Дора, и с территории области Дойн, поэтому те, кто обязан был следить за охраной порядка, не знали, что и предположить. Население пребывало в панике – ни заборы, ни охрана не были препятствием для неизвестного похитителя. Чаще всего дети пропадали под вечер, но когда перепуганные родители стали пораньше уводить своих чад за стены домов, похищения продолжились и днем. Даже у местного владельца – Тарио Л'Ани, одного из немногих аристократов Дойна, сохранивших свое положение благодаря лояльности к дорской короне, пропал трехлетний младший сын.

Со стороны Дора не было известно ни одного прохода через Стайский хребет в сторону Дойна, там громоздились только отвесные скалы, прорезанные глубокими трещинами. Редко кто из местных охотников, да и то со специальным снаряжением, ухитрялся подняться наверх и пробраться через это каменное месиво на другую сторону хребта. Можно было бы списать исчезновение детей на дикого зверя, но на месте похищений ни разу не видели следов крови. Поэтому подозревали, прежде всего, пришлый люд из Центрального Дора или охотников за живым товаром, но и тут возникало некоторое недоумение, ибо работоторговцы обычно предпочитали детей постарше, редко кто зарился на таких-то вот маленьких.

Усиление охраны поселений и патрулирование окрестностей сначала результата не дало, похищения детей продолжались. Правда, пару раз видели промелькнувшую серую тень какого-то крупного животного, а местные следопыты находили очень крупные следы, похожие на кошачьи. Со слов старожилов, крупные дикие кошки некогда водились в этих горах, но никто и никогда их живьем не видел.

Однако через месяц с небольшим исчезновения детей прекратились. Похищенных, а их к тому времени насчитывалось одиннадцать, к сожалению, так и не нашли.

Релио с трудом выбирался из объятий тяжелого сна, всплывая вверх, к солнечному свету. Когда ему удалось все же приоткрыть глаза, оказалось, что этот свет бьет в узкое отверстие пещеры, в которой лежал юноша. Четких очертаний зрение почему-то не давало, все расплывалось перед его глазами, не желаящими сфокусироваться. На мгновение что-то темное заслонило свет, а вскоре он почувствовал на своей спине шершавый язык и услышал басовитое

мурлыканье. Его дрожащая рука наткнулась на кого-то, покрытого мягким густым мехом, мурлыканье стало громче.

«Гальдра», – всплыло в сознании имя зверя.

– Хальдра! – произнес юноша шепотом, потому что голос его тоже не слушался.

Обладательница густой шерсти и басовитого мурлыканья шутя опрокинула приподнявшегося и начала тщательно вылизывать его целиком, как маленького котенка. Релио порой пытался увернуться, но в целом жесткий язык вызвал прилив крови к коже и мышцам, и юноша постепенно начал более отчетливо воспринимать окружающий мир.

Примерно через полчаса он смог сесть и кое-как оглядеться. Небольшая пещера была вся расписана странными символами, наружу вел довольно узкий проход. Как он сюда попал? На задворках памяти теплилась уверенность, что залез он сюда сам, невзирая на протест Хальдры, просто очень хотелось спать, а заснуть на открытом месте, даже под присмотром карайна, опасался. Чем дольше он пытался вспомнить, тем больше уверялся в том, что помнит очень мало. В чем же дело? Возможно, эта пещера заколдована, и он случайно попал под действие неведомого заклятия? Сколько времени прошло? Судя по теплоте солнечному свету и окружающей температуре – сейчас лето, а забрался он сюда в начале осени... или весны?.. В общем, было мокро и холодно.

В это время вернулась Хальдра, он привычно произносил ее имя так, как произносят на родном диалекте. Она принесла тушку какого-то мелкого животного, возможно, дарси { Дарси – небольшой грызун, нечто среднее между крысой и кроликом. Живет небольшими колониями на лугах. Мясо вкусное и нежное, мех ценности не имеет. }. Юноша попробовал найти свой мешок, где должно было находиться огниво и другие походные вещи, и только тут понял, что на нем вовсе нет одежды. Это привело Релио в шок. «Почему?!» После обнаружения под собой небольшой кучки почти исплевших тряпок до него начало доходить ужасное – не несколько месяцев он здесь проспал...

«О, боги! Что же произошло со мной?!»

Релио всегда отличался способностью попадать в самые странные ситуации и так же странно выпутываться из них. Например, с Гальдрой он познакомился, когда в тринадцать лет, за несколько часов до начала торжественного празднования его дня рождения, решил залезть на скалу, чтобы полюбоваться долиной сверху, и застрял там, и очень серьезно. Камни, на которые мальчик наступал по пути вверх и казавшиеся абсолютно надежными, при попытке спуститься начинали предательски скрипеть и грозили сорваться со своего места, а высота была около трехсот локтей. Испробовав все, кроме спуска по веревке, которую он как раз и не взял, Релио сидел в узкой расщелине и тихо плакал, не столько от страха – его рано или поздно нашли бы, сколько от бессилия. И тут появилась Гальдра.

То, что огромную серебристую кошку зовут именно так, он узнал позже. А в первый момент увидел, как из-за выступа скалы локтями десятью выше его выглядывает удивленная, иначе не описать, кошачья морда с встопорщенными усами и с интересом рассматривает застрявшего подростка. Почему-то он не испугался неожиданной гостьи, и та, видимо, тоже почувствовала это. Потом он не раз уверялся в том, что карайна чувствует его эмоции и понимает многие слова, он и сам иногда понимал ее без слов. Кошка тихо мяукнула и качнула головой. Релио показалось, что она приглашает его к себе. Мальчик встал, кое-как разминая затекшие ноги, и попытался подтянуться на обломке скалы, торчащем сверху. Обломок держался крепко, и со второй попытки Релио удалось вскарабкаться на крохотную площадку, расположенную выше места, где он находился до сих пор.

Релио присел, переводя дыхание, и неожиданно встретился глазами с кошкой. Что-то нахлынуло на него, тоска и боль скрутила внутренности – вот тогда он узнал, что карайна по имени Гальдра недавно потеряла двоих котят, которым не было еще и месяца. Потом первая волна чувств, передаваемых кошкой, схлынула, и она задумчиво посмотрела на мальчика. Тот

протянул руку и погладил кошку по голове, прижавшись к ней и передавая свое сочувствие. Карайна сначала дернула головой в попытке отстраниться, но потом разрешила Релио приласкать себя. Немного посидев с Гальдрой, мальчик поднялся со словами:

– Ну куда же мне теперь идти? Сюда? – и попробовал начать спускаться с другой стороны, но был аккуратно схвачен кошачьими зубами за ремень штанов и развернут в противоположную сторону.

Подросток попытался спуститься там, куда указывала кошка, но, увы, ноги не доставали до опоры, а прыгать на ненадежные камни он не решался. Тогда кошка, почесав себя за ухом, опять посмотрела Релио в глаза и мотнула головой в сторону своей спины. Он понял, что она предлагает садиться верхом. Это было что-то! Мальчику приходилось слышать, что существуют обученные карайны, которые возят своих напарников, но самому подобного видеть не доводилось.

Осторожно он вскарабкался и распластался на спине лежащей кошки, вцепившись в ее шерсть, как клещ. Карайна встала, слегка потянувшись и прыгнула. Как Релио не перелетел через ее голову при таком прыжке, оставалось только удивляться. Дальше спуск пошел медленнее, зато без головокружительных номеров. Карайна пробиралась между скал, то поднимаясь, то спускаясь, пока наконец не достигла почти самого низа. Там на небольшом карнизе она снова легла, явно приглашая спуститься с ее спины. Релио слез и, осмотревшись, понял, что дальнейший спуск не составит труда даже для ребенка.

Как умел, на словах он поблагодарил спасительницу, а та, ткнувшись в него мордой, развернулась, и только серая тень мелькнула среди серых скал. Мальчик спустился в долину и, слегка поцарапанный к неудовольствию матери, явился на празднество, которое должно было вот-вот начаться. Испугаться за Релио не успели, все привыкли к его долгим прогулкам по окрестностям.

Месяцы шли за месяцами. Нередко в своих прогулках будущий владетель Лос-анха встречал серебристую карайну, казалось, нередко знавшую, когда и куда он направится. Тогда они вместе бродили по окрестным горам, где Гальдра показала спутнику немало укромных лазеек, о которых не знали даже местные охотники, и кучу других интересных мест. Тайком Релио сшил из ремней некое подобие упряжи, позволявшее удержаться на спине карайны при ее головокружительных виражах, после чего они смогли вместе забираться все дальше и дальше. Среди неприступных скал обнаружили крохотные долины с журчащими ручьями, поросшие диковинными цветами, не встречавшимися на равнине. Над цветной галькой в кристально чистой воде резвилась рыба мелюзга. Потом эти ручьи уходили в узкие промоины в толще скал, чтобы появиться на равнине прямо из-под земли. Хотя встречались и широкие лазы, вводившие глубоко в скальный массив.

Подрастая, Релио стал уходить в горы и на несколько дней. Он ночевал, прижавшись к теплому боку своей спутницы, разводил небольшой костерок, на котором жарил кое-что из добычи, принесенной Гальдрой. Вскоре они с серебристой карайной научились понимать друг друга без слов, «словами» она с юношей почти не говорила. Они стали не то чтобы напарниками, скорее, спутниками, путешествующими вместе. Однажды карайна провела юношу по одному из проходов на дорскую сторону гор. Обрато они возвращались уже другим путем, слишком уж сыро и неуютно было в подземельях, где скоро начинало казаться, что кто-то невидимый в темноте смотрит на тебя. Гальдра, правда, этих пещер не боялась, хотя в некоторые проходы заходить отказывалась. К сожалению, объяснений от нее добиться было невозможно.

Релио сидел на полу пещерки, шурясь от дневного света. Он уже обшарил ее в поисках вещей, найдя у входа свой кожаный дорожный мешок и очень старые следы от костра. Огниво сохранилось, хотя железка слегка заржавела; сохранился и кинжал, с которым он в тот раз

пустился в путь. Однако огонь он разводить не стал, решив не заниматься пока поиском дров, и перекусил сырым мясом, принесенным Гальдрой, как случилось и раньше. Несмотря на длительное время, проведенное во сне без еды, желудок нормально принял пищу.

Память понемногу начала возвращаться к нему.

Года три спустя после знакомства они с карайной, как обычно, отправились в горы и забрались довольно далеко от дома Релио. На пустом неприветливом плато их застигла внезапная буря с холодным проливным дождем. Путешественникам ничего не оставалось, как спуститься в одну из широких расщелин, разрезающих плато, и попытаться найти там укрытие от ненастья. Если бы не карайна, Релио рисковал бы сломать себе шею, спускаясь по таким скалам. Даже Хальдра то и дело поскользнулась на скользких от дождя камнях и раздраженно шипела, а когда все же спустилась на дно расщелины, у нее от напряжения дрожали лапы. Релио был абсолютно мокрым, его трясло от холода.

В таких условиях укрытие нужно было найти как можно быстрее, поэтому, обнаружив первую попавшуюся пещерку, юноша решил залезть в нее, прихватив несколько не совсем мокрых обломков дерева. Хальдра попыталась оттащить его от входа, но юноша был не в себе от холода, и кошка сдалась, отпустив его одежду. Кажется, он пытался зажечь огонь, но руки не слушались, промокшие дрова скорее тлели, чем горели, и, видимо, Релио, натянув на себя всю одежду, которая была с собой, просто лег у чадающего костра и отключился.

Сколько же времени прошло? Что делать теперь? Родные наверняка решили, что их сын погиб по неосторожности в горах. Надо бы навестить их, чтобы, хоть с опозданием, но дать знать, что он жив. Вся тряпичная одежда истлела. Пришлось делать из мешка некое подобие набедренной повязки, а остальные мелочи запихать в импровизированный кошель, который Релио сделал из его же обрезков. Карайна не тревожила своего товарища в его занятиях, бродя где-то в окрестностях, но ближе к вечеру, когда солнце скрылось за краем ущелья, она стала настойчиво входить и выходить из пещеры, поглядывая при этом на юношу своими желтыми глазами.

– Ну что тебе так не терпится? – спросил он, слегка раздраженный ее навязчивым поведением.

Карайна сначала не отреагировала никак, но еще через некоторое время, войдя, села прямо напротив юноши, уставившись ему в глаза.

«Пора!! – понял он. – Ночью снова можешь уснуть...»

Релио слегка ошарашенно покачал головой – Хальдра удостоила его разговора. Значит, дело нешуточное. Вздохнув, он быстро приладил к поясу подобие одежды, кинжал с кошельком и выполз из пещеры.

За то время, пока он спал, как показалось юноше, местность заметно изменилась, хотя он помнил ее недостаточно хорошо, видел только однажды под потоками проливного дождя. Кажется, кое-где выросли деревья, а одна из скал обрушилась, образовав длинную осыпь, перекрывающую расщелину. Из-за осыпи, запрудившей маленький ручей, на дне появилось довольно большое озеро.

Уже выйдя из пещеры, Релио понял, что от нее действительно веет чем-то странным.

– Кажется, ты права, Хальдра, надо отсюда убираться.

Кошка подошла и одобрительно потерлась, глядя вверх на край расщелины. К сожалению, от упряжи карайны за истекшее время тоже мало что осталось, поэтому подъем предстоял очень тяжелый. Напоследок Релио решил искупаться. Хальдра на сей раз ничем не выказала своего неодобрения. Наклонившись к озеру, юноша увидел, как сильно он исхудал за это время. Впрочем, само то, что он невесть сколько времени обходился без еды, было непонятным. В остальном черты его лица почти не изменились, только светлые волосы стали чуть длиннее и выглядели свалевшимися и безумно грязными. Кое-как приведя себя в порядок, Релио напоследок обернулся к месту своего нечаянного заточения и, подозревая Хальдру, отправился в путь.

Закат уже догорал на горных пиках, когда человек и карайна наконец выбрались на злополучное пустынное плато. По относительно ровной местности карайна вместе с всадником продолжала двигаться и ночью, стараясь пересечь плато как можно быстрее, после всего происшедшего оно не внушало никакого доверия. Странники остановились на отдых, только достигнув края плато, когда после недолгой темноты вновь начало светать. Немного отдохнув, они продолжили свой путь.

Через четыре дня они добрались наконец до края гор. Дорога сильно осложнилась из-за отсутствия упряжи, что заставляло Хальдру искать наиболее простые спуски и подъемы. Релио хотел было сразу спуститься со скал и отправиться к родному дому, но карайна передала ему свое мнение, что лучше это сделать в ночной темноте, чтобы обезопасить себя от неприятных встреч. Юноша с трудом дождался этого времени.

Горы были совсем недалеко от жилища Релио, и уже на спуске он стал подозревать неладное, а, добравшись ближе, понял, что не ошибся, – дом оказался пуст. Более того, при ближайшем осмотре стало ясно, что пуст он уже давно и частично начал разрушаться. Или же его разрушили люди. Юноша не знал, куда бежать, кого спрашивать о судьбе родных. До восхода солнца он сиротливо бродил по останкам родовой усадьбы. Потом Релио решился все же поискать людей. Ближайшее селение сначала тоже показалось брошенным, пока юноша не услышал вдали стук топора. Осторожно, прячась за домами, они с карайной пробрались к этому месту.

Какой-то пожилой мужчина колот дрова на щепки. Оставив Хальдру на страже, Релио вышел на открытое место и двинулся к человеку. Он решил не раскрывать своего происхождения без нужды и, подойдя к мужчине, оставившему топор при виде юноши, сказал:

– Эллари, я долго не был в здешних краях, по пути решил завернуть в гости, но вижу, что все покинули это место, даже хозяйская усадьба разрушена. Не скажете ли, куда подевались все местные жители?

Мужчина вздохнул и присел на чурбак, на котором колот дрова:

– А что сказать, эллари, видно, вы находились очень уж далеко. Была война, потом грабежи. Кто не погиб и не попал в рабство, тот ушел. Говорят, что Дор потом тоже завоевали, да только здесь никто не появлялся.

У Релио затряслись губы, он еле сдерживался, чтобы не показать своего отчаяния. Но мужчина все равно все понял.

– У вас здесь были родные?

– Да... – едва выдавил юноша.

Внимательно посмотрев на него, мужчина сказал:

– Уходили бы вы отсюда... эллари... здесь часто останавливаются егерские патрули, а вы слишком похожи на прежних хозяев усадьбы... не ровен час...

– Спасибо, эллари. – Релио понял, что имел в виду собеседник. – Скажите только, война была с Дором? И не подскажите ли, где в округе можно достать одежду?

– Да, дорцы захватили наши земли... а одежду я вам сейчас кое-какую принесу, осталась от сына... – И мужчина ушел в хибару.

Через несколько минут он вернулся с охапкой одежды и положил ее на траву, потом, ни слова не говоря, посмотрел на юношу еще раз и снова ушел в дом, вернувшись на этот раз с заплечным мешком и куском хлеба.

– Вот, – сказал он, глядя в землю, – доброго пути вам, да-нери!

Релио не заставил себя ждать, догадавшись, что человек опасается того самого егерского патруля. Он быстро запихнул все в мешок и, уходя, тихо произнес:

– Да хранят вас добрые боги!

Зайдя за дом, где его ожидала Хальдра, он быстро вытряхнул одежду из мешка, надел штаны и рубашку, остальное запихал обратно. Одежда была широковата, но хотя бы что-то. Обняв карайну за шею, он тихо заплакал:

– Вот теперь мы совсем одни, Хальдра, и идти нам некуда. Лучше было бы не просыпаться!.. – добавил он в отчаянии.

Кошка посмотрела на него и легонько толкнула головой, что значило «пойдем». Релио грустно улыбнулся и, механически забравшись на спину карайны, отдал выбор пути ей. Хальдра, оглянувшись ненадолго, взяла курс к дальним отрогам гор.

Мужчина, коловший дрова, увидел, как мелькнула в конце улицы серебристая тень со всадником на спине, и все опять опустело.

– Да хранят вас добрые боги! – прошептал он вслед.

Некоторое время они неспешно путешествовали, стараясь избегать людских поселений. Дважды видели в отдалении егерские разъезды. Юноша кормился в основном мясом добытых Хальдрой животных, только изредка он заходил в отдельно стоящие дома, чтобы купить хлеба или сыра, благо серебро и золото оставались серебром и золотом, несмотря на смену власти. Кое-кто давал Релио еду просто так или в обмен на мясо. В конце концов он даже прикупил немного кожи и кое-какой инструмент и заново сделал упряжь для Хальдры. Так прошло лето.

К осени юноша восстановил силы и чувствовал себя прекрасно, только печаль по утраченному не давала ему полностью радоваться жизни. А еще он видел, что стало с его родиной за прошедшие годы. Всем теперь командовали дорцы. Большинство местных владельцев были лишены своих титулов, причем многие погибли или были захвачены в рабство и проданы в Дор. Крестьяне и мастеровые жили в страхе, не то чтобы налоги возросли слишком сильно, но дорские хозяева считали их людьми второго сорта. Да что говорить, если в самом Доре простые люди тоже жили в страхе, а дорские законы распространились теперь и на здешние земли. Правда, говорили, что Дор в свою очередь тоже захвачен своим южным соседом, где порядки более мягкие, но здесь это чувствовалось слабо. Единственно, что официально рабовладение было запрещено, но существовало немало обходных путей для закабаления любого человека. Про свою семью Релио узнать ничего не удалось, а выяснять напрямую он не рисковал.

Еще в конце лета они с Хальдрой присмотрели в горах старый, но еще крепкий домик, и Релио, убедившись, что там никто не появляется, начал делать запасы на зиму. К середине осени он почти перестал спускаться на равнину, радуясь последним сухим и теплым дням. Зазимовали они там же. Хальдре зима не мешала, иногда она пропадала на несколько дней, правда возвращаясь потом обязательно с добычей. Юноша порой волновался и ругал ее из-за этого, но, в общем, все шло тихо и спокойно, только скучновато.

Весной, когда на склонах наконец начал сходить снег, Релио, насидевшись в одиночестве, стал предпринимать все более дальние прогулки по окрестностям. Хальдра теперь появлялась вообще редко, и юноша, ворча, занялся охотой сам. Большого пристрастия к этому занятию он никогда не испытывал, но кое-что умел, теперь пришлось восстанавливать навыки. Во всяком случае, охотиться с легким луком на птиц и мелкую живность Релио наловчился довольно быстро. Встречался он порой и с другими охотниками, кто-то спешил вернуться с добычей в долину, а у других просто был такой образ жизни, и они задерживались на одном месте даже по два-три дня, травя байки и обмениваясь последними новостями.

Уже в начале лета случай свел его с одним из таких людей, живущих в горах, как теперь и сам Релио. Они нашли общий язык и потом встречались намеренно. Однажды охотник увидел юношу вместе с Хальдрой, и тому пришлось рассказать Вердану, что это его карайна. Правда, Релио не опасался нового знакомого, зная его отношение к происходящему в стране.

В тот вечер, естественно, разговор завертелся вокруг карайнов. Сначала охотник рассказал несколько баек на тему, а потом разговор повернул в более серьезное русло. Вердан сделался задумчивым и часто тяжело вздыхал. Релио аккуратно осведомился, не случилось ли чего.

– В общем-то нет, – отвечивал охотник. – Просто накатило что-то. Неравнодушен я к карайнам. Слишком красивые, слишком свободные, чтобы идти на поклон к людям, кто бы они ни были.

Релио несколько удивленно посмотрел на Вердана, а тот продолжал:

– Некогда даже в княжеском питомнике, где специально отобранные и обученные люди заботились о содержании карайнов, далеко не все котятя запечатлевали кого-то. Если этого не происходило в течение года, молодого карайна отпускали на волю. Мой отец был княжеским лесничим в этих местах. Он рассказывал, как однажды зимой, в лютую бескормицу из-за внезапно выпавшего глубокого снега, к порогу его кордона приползла умирающая от голода карайна с полуторамесячным котенком. Увидев вышедшего из домика отца, она вытолкнула к нему котенка и не препятствовала, чтобы тот забрал его в дом. Сама же отказывалась брать еду из рук человека, пока не умерла. Видимо, только забота о жизни котенка заставила ее выйти к людям. Котенок, правда, оказался очень игривым и добродушным. Он легко принял заботу отца и вскоре запечатлел его. Так у моего бати появился собственный серебристый карайн – роскошь, доступная единицам. Карайн выбирает раз и навсегда, хотя ходили слухи, что иногда, в случае гибели напарника, через какое-то время карайн может признать еще кого-то, но первая любовь остается первой. Батя рассказывал, что, взглянув в глаза котенка после запечатления, он просто утонул в этом море любви. – Охотник потер глаза рукой и приглушенно добавил: – Я вот только до сих пор не пойму, зачем им нужны люди...

– А сколько живут карайны? – спросил Релио, страшась за Гальдру, ведь непонятно, насколько подействовало на нее заклинание стазиса, под действие которого попал он сам.

– Говорят по-разному – кто шестьдесят, а кто и все сто. – Вердан нахмурился. – Мой-то отец погиб вместе со своим карайном при захвате нашей земли дорцами... Впрочем, тогда погибли все серебристые карайны и их напарники, участвовавшие в бою.

Охотник вскинулся, словно пытался кому-то что-то доказать:

– Ты думаешь, что в отряде принца были одни вельможи?! Как бы не так! Вельмож там было всего несколько, остальные либо из простых военных, либо вообще из простонародья. Конечно, специальное обучение прошли все, так что воинами были хоть куда! Дрались так, что только ключья летели от дорской швали! Беда вот – мало их было...

Вердан снова сник и продолжил уже на тон ниже:

– У серебристых очень странная избирательность. Во-первых, они предпочитают тех, кто помоложе. И, во-вторых, вообще никто до сих пор не понял, почему они выбирают одних и игнорируют других, таких же порядочных и честных людей. О подонках я не говорю – ни один карайн их не примет. А за погибшего напарника карайны мстили, пока не погибали сами. Дорцы за все это так возненавидели наших серебристых, что за каждую шкуру обещали заплатить золотом. Из местных мало нашлось говнюков, польстившихся на кровавое золото, а дорским охотникам туда и дорога – из гор не вернулся почти никто. А из вернувшихся, не знаю, заработал ли кто хоть медяк.

– Так получается, что в горах живут и дикие серебристые карайны? Потомки тех, которых отпускали на свободу из питомника, хотя бы...

– А кто его знает... Если и есть, то людям они не показываются, особенно после войны. Наши горы очень древние, в них сколько угодно разломов, промоин, закрытых долин, и вообще Беранис знает чего. В одном из таких мест ты побывал, а из других мог не вернуться вообще. Бают, что в недрах Стайского хребта есть подземные города, только там никто не живет. И на поверхности немало старых развалин, даже есть лестницы, вырубленные в скалах, которые не

ведут никуда. Дорцы далеко в наши горы боятся заходить, да и местные опасаются. Карайнам проще, они чувят, куда не надо соваться. Может, уцелевшие и живут где-то там.

– С твоих слов я понял, что есть и какие-то другие карайны?! – недоверчиво поинтересовался юноша.

– Есть, говорят... Где-то далеко на юге водятся. Мелкие пестрые и черные, типа наших серебристых. Это все отец говорил. Я-то неуч, а он с самим князем был знаком. – И охотник замолчал. – А кстати, что-то давно не видно твоей питомицы, – внезапно спросил он спустя некоторое время.

– Это еще вопрос – кто кому питомец... – усмехнулся Релио, вспомнив историю своего знакомства с Хальдрой. – Хотя что-то я действительно ее редко вижу последнее время. Вскоре после того, как мы спустились с гор, она занялась какими-то своими делами и меня в известность о них не поставила.

Он задумался.

– Будь она простой кошкой, я бы решил, что у нее где-то завелись малыши. Но ведь несколько лет после гибели котят до нашей истории с пещерой у нее не было никого...

– Не было, не было, а вот теперь, может, появился, – зевнул с усмешкой Вердан. – Ты ее спроси, когда в следующий раз придет.

– Так она и ответила, – вздохнул юноша. – Эта особа себе на уме. За все знакомство я ее «голос» слышал-то всего несколько раз, и то в случае крайней необходимости.

– Тогда ты прав. Похоже, ты у нее не первый.

– Да мне разницы нет. Мы и так ладим, просто я за нее волнуюсь. Мало ли что...

– Вот увидишь! – хохотнул охотник. – Придет твоя киса и прибавление в подоле, то есть в зубах, принесет.

– Дай-то боги! – вздохнул парень еще раз. – Давненько у нее не было радости. Все заботы да заботы.

Они еще немного поболтали о том о сем и улеглись спать у костра.

Хальдра появилась только через три дня, к этому времени Вердан уже ушел. Как всегда, она деловито осмотрела и обнюхала место, потом самого Релио.

– Ну и где ты была? – спросил немного обиженный юноша.

Карайна выразительно посмотрела на него своими желтыми глазами, а потом потянула парня зубами за рукав. Релио почему-то обиделся еще больше, сел на землю и сказал Хальдре:

– Может, хватит строить из себя неразумное животное?! Могла бы и ответить!..

Хальдра слегка недоуменно уставилась на него, и внезапно юноша услышал голос в своей голове: «Я думала, мы и так друг друга понимаем. Ты хочешь, чтобы я с тобой говорила? Тебе одиноко?»

Немного растерявшись, Релио ответил:

– Да, мне одиноко, и я хочу, чтобы ты со мной говорила. Если тебе сложно говорить так, укусила бы меня, что ли, я бы не обиделся, – сказал он, узнав от охотника, что именно так карайны запечатлевают людей, и тогда карайн с человеком могут легко общаться на расстоянии.

«Я и так слышу тебя, если ты недалеко. Я думала, что ты меня тоже. А кусают тебя пусть котята – я уже взрослая».

Релио не знал, смеяться ему или плакать после такого ответа. Почувствовав, что спутник в замешательстве, Хальдра добавила: «Пойдем со мной. Я тебе покажу много веселого».

И они пошли. То есть сначала пошли, а потом, видя, что человек движется слишком медленно, карайна предложила проехаться на ней верхом для скорости.

Миновав несколько узких расщелин, переходящих одна в другую, и небольшой горный кряж, они спустились в маленькую уютную долину, где журчал ручеек, а в маленьком озерце

плескались небольшие рыбешки. Но вовсе не это привлекло внимание юноши. На протяжный мыв Хальдры как из-под земли выкатились откуда-то четверо котят. Двое помладше и двое постарше. Хальдра начала с мурлыканьем вылизывать всех четверых.

– Э-это все т-твой?.. – подумав, что скоро станет заикой от таких новостей, с трудом выдавил Релио.

«Нет, мои – двое младших, а другие – моей сестры. Она сейчас охотится». – Голос карайны был очень довольный и счастливый.

– Твоей сестры?! – только и спросил обалдевший юноша, садясь на землю.

К нему немедленно, прячась в траве, стали подбираться котята, оставленные карайной в покое.

«Да, названной сестры. Мы встретились недавно. Она моложе, но ее мать была в том же отряде, что и я».

Котята, пока не решаясь подойти, смотрели на Релио из травы во все глаза.

– Но Вердан сказал, что весь отряд принца погиб, в нем служил его отец...

«Это тот человек, чей запах был на тебе?»

– Да.

«Он не солгал. Но был и другой отряд, небольшой. О нем мало кто знал. Князь чувствовал, что будет война, и отправил его на юг, в Игмалион. Надеялся заключить союз. Но пройти не удалось. Жрецы выследили нас. Погибли многие люди и карайны, но не все. – Ментальный голос карайны был окрашен глубокой печалью. – Несколько карайнов ушли в горы по просьбе своих братьев. Братья погибли. Только двое карайнов ушли вместе с людьми. Где они теперь – мы не знаем. Через несколько лет оставшиеся перестали их чувствовать. Возможно, они погибли тоже».

– Вот, значит, как... – только и сказал Релио.

Такого длинного монолога от Хальдры он не слышал никогда. Ему очень захотелось приласкать карайну, но он стеснялся сделать это. Что-то почувствовав, серебристая кошка подошла сама, и юноша обнял ее за шею, прижавшись к шерсти.

– Прости меня, дурака! – тихо прошептал он.

Релио понял все – во время рассказа Хальдры среди других образов несколько раз промелькнул юноша приблизительно его лет и даже внешне очень похожий, он был рядом с Гальдрой. В последней картинке юноша явно был смертельно ранен. Видимо, это и был тот, о ком она не могла забыть все эти годы, тот, кто, умирая, приказал карайне не мстить за него, а уйти в горы, чтобы сохранить ее расу.

Вечером Хальдра отвезла Релио обратно в его жилище и снова ушла. Он чувствовал, что она показала ему не все. Еще сомневается, стоит ли посвящать юношу в свои дела. С этого дня он ожидал появления кошки, но она не приходила дней шесть. Релио уже начал было волноваться, но однажды, когда уже к вечеру он возвращался с охоты, Хальдра перехватила его на пути к дому.

«Тебя ждут», – передала она.

Юноша хотел отложить поездку на утро, но карайна сказала, что дело срочное. Поэтому, заскочив в домик только за упряжью, они направились куда-то в сгущавшихся сумерках.

Ехали гораздо дольше, чем в прошлый раз, Релио уже начал клевать носом на относительно ровных участках пути. Однако в самом конце пришлось поволноваться. Конечно, юноша знал, что карайна прекрасно видит в темноте, но головокружительный спуск со скал в какую-то расщелину не раз заставил екнуть его сердце. Когда спуск закончился, они оказались в совсем небольшой горной долине, подробностей местности было не разглядеть, хотя небо над скалами уже начало сереть.

На этот раз Хальдра остановилась не сразу, продолжая путь куда-то в дальний конец долины. Неожиданно из-за выступа скалы показался небольшой дом, похожий на тот, в кото-

ром последнее время жил Релио, одно из окон светилось – видимо, в комнате горела свеча. Карайна поскребла когтями у входа и отошла.

Дверь почти сразу открылась, визита явно ждали. На пороге показался высокий мужчина.
– А, это вы, заходите! – сказал он.

Релио выпутался из самодельной упряжи и, размяв слегка затекшие ноги, вошел в дом. Карайна проскользнула за ним.

В тусклом свете масляной лампы юноша не сразу разглядел хозяина, зато обратил внимание на лежащего у его ног крупного серебристого карайна, занимающего заметную часть маленькой комнаты.

– Сагрио, подвинься! – вслух сказал карайну мужчина.

«Сагрио» на даэре { **Даэр** – древний язык денери. В качестве разговорного практически не используется. } означало «отблеск», «сверкающий» { В более точном переводе «сагрио» означает «иней» или «покрытый инеем». } и тому подобное... Карайн нехотя переместился, освобождая проход. Гальдра обнюхалась с самцом и легла неподалеку.

– Ну вот, коты весь дом заняли, – усмехнулся хозяин. – Да ты не стесняйся, садись!

С этими словами он выдвинул стул для гостя. Стало видно, что волосы у него светлые, но не белые, значит, не чистокровный денери – хотя какое это теперь имеет значение... На суровом обветренном лице выделялись два светлых шрама, возможно от сабли, а на правой руке не хватало половины мизинца.

– Меня звать Райден, а тебя как?

– Релио.

– А если не на дорский манер?

Юноша смутился, почти наверняка Райден был ветераном войны с дорцами.

– Релианор. – Фамилию он все же называть опасался.

– Ну будем знакомы! Я о твоём существовании и узнал-то дней пять назад, заметив свежий след от упряжи на твоей подруге, ну и спросил, конечно. Иначе бы она, наверно, до сих пор держала это в тайне. Вообще, крайне таинственная особа, – снова усмехнулся хозяин.

– Это верно. – Релио с облегчением вздохнул: Райден оказался не таким уж мрачным, как можно было ожидать. – Как раз в то время она показала мне своих котят, а до этого ни словом не обмолвилась о причинах своих отлучек.

– Котят, говоришь?.. Интересно... А ты что... Хм... раньше не заметил, что она в положении?

– Да куда там!.. Вскоре после того, как мы спустились с гор, она в основном гуляла где-то и появлялась редко и ненадолго.

– Мы-то с твоей красавицей знакомы уже пару месяцев, хотя Сагрио, может, и больше... Эй, друг!

Карайн обернулся.

– Это твои котята?

Некоторое время Райден молчал, наверно мысленно разговаривая со своим карайном, чему Релио тут же позавидовал, потом повернулся к юноше:

– Он сказал, что котята Гальдры не его, хотя у него котята тоже есть, но от другой карайны. Все оказывается еще интереснее...

Кинув взгляд на Хальдру, чтобы посмотреть, как она отреагировала на раскрытие тайны, Релио увидел, что кошка лежит абсолютно безмятежно, шурясь на свет. Тогда он решился сказать:

– Тех котят я тоже видел, они были вместе с малышами Гальдры, только немного старше. Их мать ушла на охоту, но Гальдра назвала ее сестрой.

– Тогда я, кажется, знаю, чьи это котята, верно, Сагрио?

Юноше почудилось, что карайн улыбнулся, а Райден продолжал:

– Та самочка появилась раньше. Когда Сагрио ее впервые привел, она была почти дикая и шарахалась от меня, потом привыкла. Я даже не знаю, как ее зовут и есть ли у нее вообще имя. Похоже, у нее никогда не было партнера-человека, и она жила сама по себе.

Мужчина почесал в затылке и добавил:

– А вот то, что котят растут вдали от людей, это плохо – могут вырасти дикими, папаша ты хренов.

Сагрио опустил голову. Мужчина замолчал, потом рассмеялся:

– Извиняется он, видишь ли, не подумал. Боялся, что с котятками что-то может случиться. Ну женщины ладно, а он-то вроде мужчина, выросший в приличном обществе. – Райден вздохнул, видно что-то вспомнив.

Потом он спохватился:

– В общем-то я пригласил тебя по делу, хотя оно оказывается еще более запутанным, чем я подумал вначале. Но сперва расскажи мне, что вы делали в горах больше двадцати лет?

Увидев, как округлились глаза собеседника, он спросил:

– А ты что, не знал?

– Не-эт, – выдохнул Релио. – Я догадывался, что проспал долго, но столько...

И он вкратце рассказал свою историю.

– Да уж! – только и сказал Райден. – Я кое-что узнал от своего карайна, а он в свою очередь от твоей подруги, но хотел все услышать из первых уст. Карайна-то проснулась несколько раньше, хотя и ненадолго. Скажи спасибо, что то заклятие, видимо, в меньшей степени воздействует на карайнов, а то проспал бы еще неизвестно сколько, да и проснулся ли бы вообще...

Релио вздохнул, временами ему хотелось, чтобы он тогда действительно не проснулся и не увидел того, что случилось с его родиной.

Райден, похоже, почувствовал его настроение, потому что сказал:

– Брось! Ушедшего не воротишь! Если бы не этот случай, ты погиб бы или попал в рабство, а так жив и можешь бороться.

Юноше стало стыдно перед ветераном, на своей шкуре прочувствовавшим все, что творилось за эти годы. Он опустил голову.

– Брось! – еще раз сказал тот. – У каждого своя судьба. Я как раз хотел поговорить с тобой о поведении твоей подруги и многом другом.

– Да...

– Кстати, пошли бы вы проветрились, – обратился хозяин к карайнам.

Сагрио вздохнул, проветриваться ему не очень хотелось, но, толкнув носом Хальдру, направился к двери, и карайны вышли. Райден закрыл за ними дверь и снова присел к столу.

– Видишь ли, – начал он, – я никак не могу понять поведение Гальдры, хотя с учетом того, что не так уж далеко подрастают четверо котят, кое-что можно предположить. Я не удивлюсь, если где-нибудь есть еще котятка, хотя это не так важно.

– А в чем дело? – насторожился Релио.

– Да понимаешь, – мужчина замялся, – совсем недавно я узнал странную историю. В одном горном селении, неподалеку отсюда, один за другим появились неизвестно откуда одиннадцать малышей лет трех-четырёх. После войны селение обезлюдело, и там на данный момент осталось всего трое жителей: старуха с взрослой внучкой и парень лет пятнадцати, забредший туда несколько лет назад, да так и оставшийся. И вдруг эти дети... Я встретил девушку из этого селения, когда она тащила домой кое-какие продукты и материю на одежду, взялся ей помочь. По дороге она рассказала эту историю. Прокормить детей – это еще полдела, в селении остались огороды и несколько овец, но малыши же растут, да и ухаживать за такой оравой тот еще праздник... В общем, бедная девица и двое остальных взрослых просто сбились с ног. Да и страшно им, непонятно, ни откуда дети, ни чьи они, ни кому все это нужно. Повела она и еще про одну странность: с тех пор у своего порога они нет-нет да и обнаруживали свежую

дичь. И овцы порой стали вести себя очень беспокойно, что неудивительно, ибо на свежей земле люди несколько раз замечали отпечатки лап большой кошки. Ты, думаю, понимаешь, к чему я клоню?

– Милосердные боги! – Юноша возвел глаза к небу. – Вы думаете, это Хальдра?

– Показываться туда вместе с Сагрио я не решился, но мы побродили по окрестностям. Карайн утверждает, что, кроме Гальдры, это никто не мог быть. Но она отвечать на вопросы отказывается.

– Узнаю ее стиль. Всегда себе на уме. – Релио схватился рукой за щеку и покачал головой. – Что будем делать?

– Давай попробуем поговорить с нею вместе, может, на этот раз она объяснит смысл своей затеи. Хотя я начинаю догадываться...

– И что же?

– Погоди, я позвал своего, сейчас они вернутся.

Через три минуты в дверь постучали. Райден открыл и посторонился, пропуская обоих карайнов. Хальдра вошла очень неохотно.

– Входи, входи, – хмыкнул Райден. – Сейчас будем разбирать твоё поведение.

Сагрио ободряюще подтолкнул приятельницу. Оба карайна сели и уставились на людей.

– Ну так вот, Гальдра, скажи мне, пожалуйста, зачем ты натаскала столько детишек и оставила их всех на воспитание Рамелы? – задал вопрос Райден.

Хальдра сначала отвела взгляд, но потом ей, видимо, что-то сказал Сагрио.

«Я не нашла лучшего места, где бы о них позаботились», – неожиданно услышал Релио голос карайны.

– Но зачем ты их забрала из дома?! – не выдержал юноша.

«Там о них заботились неправильно. Котятам нужны братья, иначе они получатся дикими. Райден прав».

– Так ты выбирала будущих напарников для котят?! – Юноша был просто в шоке.

Райден, судя по выражению его лица, ожидал именно такого ответа, хотя все равно был удивлен.

«Да. У котят должен быть выбор. Аниален просил меня сохранить наш род».

Так вот как звали того парня, которого он видел в воспоминаниях Хальдры.

«Да. Его звали так. Ты на него немного похож».

Кажется, Хальдра восприняла «сохранение рода» не только как сохранение серебристых карайнов, но и привычного ей симбиоза с напарниками-людьми. Все стало понятно, только было неясно, что делать дальше.

– Хм... – сказал Райден, обращаясь сразу ко всем присутствующим. – Так, может, тогда нам всем перебраться в тот поселок? Патрули туда не заезжают, а от других опасностей трое взрослых карайнов и один бывший разведчик вполне способны защитить. Двух будущих мужчин еще придется учить владеть оружием, но этим я займусь на досуге.

Карайны оказались согласны. Релио тоже воспрял духом – по крайней мере, его жизнь обрела хоть какой-то смысл.

Глава 3

Новые тропы

«Как-то раз в юности я отправился в путешествие по заданию академии. Мой путь лежал в одну из малых долин в предгорьях Стайского хребта. Дело шло к весне. В южном и даже среднем Доре уже цвели сады, а к северу от горной цепи, пересекающей весь полуостров, еще лежал снег. Высокие скалы и северные ветра не давали проникнуть теплу с юга.

На десятый день пути от последнего крупного города в этом направлении я наконец добрался до предгорного массива, состоящего из разрозненных скал и высоких каменистых холмов. Где-то в центре этого странного места и находилась долина, которую я должен был найти.

Если на равнине снег уже осел под яркими лучами весеннего солнца, то в узких ущельях нередко приходилось брести в мокром снегу почти по пояс. Прошло еще два дня, пока я вышел в широкую долину, окруженную скалами со всех сторон. Промокший и усталый, я попросился на ночлег в один из первых же домов. Пожилая женщина пригласила меня, накормила и уложила спать на топчан подле печки в самом теплом месте дома.

Когда я проснулся ночью, мне показалось, что идет дождь, но тут же снова я погрузился в сон. Утром я встал довольно поздно и, отворив тяжелую дверь, не узнал окружающий мир. Сияло солнце, и по светлому небу летели легкие облачка, подгоняемые теплым ветром. Наверно, ночью действительно прошел дождь, потому что снега на открытых местах почти не осталось, зато было много луж и на прошлогодней траве искрились капли воды. От неожиданности на глаза навернулись слезы, мир был так прекрасен, и почти ничто не напоминало о сугробах мокрого снега и низком сером небе, которые я видел изо дня в день за время своего пути. Жители поселка в легких одеждах тоже высыпали из своих домов, отовсюду раздавались звонкие детские голоса, а откуда-то с озер была слышна девичья песня.

Весь день я не находил себе места, обошел половину долины, везде замечая признаки обновления и начала новой жизни. Небольшие озера еще были покрыты серым ноздреватым льдом, но на самом берегу прямо из-под пятен снега уже раскрывались первые весенние цветы. Жители готовились к празднику весны, наступало время свадеб.

Поздним вечером я снова вышел из дома и засмотрелся на звезды. С юга веяло теплом. Вслед за мной вышла хозяйка. Наверно, я вздохнул в такт своим мыслям о том, как неожиданно может измениться все в этом мире, потому что она тихо произнесла:

Не печалься о том, что было.
Каждый ветер несет перемены,
Открывая новые тропы
В потаенные дальние дали.

Я вздрогнул от неожиданности и удивления, услышав такое четверостишие из уст пожилой крестьянки, к тому же оно было произнесено на чистом даэре. Возможно, эти строки являлись отрывком из какой-то древней

песни или легенды. Именно чтобы услышать что-то подобное, я пришел в эту затерянную долину, но то, что я там узнал позже, достойно отдельного рассказа».

Элманар ло'Райди. «Хроники Севера»

В горное селение, о котором говорил Райден, компания переселилась через два дня. Обе карайны перенесли туда же своих малышей, но устроили себе логово несколько поодаль от человеческого жилья у выхода из ущелья, в которое переходила долина в дальнем своем конце. Райден сразу же объяснил ситуацию местным жителям и взялся за их образование по части карайнов. Сначала детишки и котята побаивались друг друга, но уже через несколько дней весело играли все вместе.

Следом наступил черед военного образования для обоих молодых людей. Тот самый пятнадцатилетний подросток, которого звали Сэлги, сам ходил по пятам за бывшим разведчиком и просил его научить чему-нибудь. К всеобщему удивлению, Райден сразу решил начать тренировки и для малышей. На вопрос, почему так рано, он пояснил, что, во-первых, карайны взрослеют быстрее, и физическая подготовка понадобится их напарникам уже через год-другой, а во-вторых, то, что в детстве дается легко, потом наверстывать сложнее, а так к возрасту Релио и Сэлги ребята уже станут обученными бойцами, им останется только набраться физической силы.

Декада проходила за декадой. Дети и котята сдружились, но ни одного запечатления пока не произошло. Люди уже начали волноваться, когда в один из последних теплых осенних дней на детской площадке внезапно раздался плач. Релио, занимавшийся несколько в стороне, бросился туда. Младший из братьев Гарани, а Хальдра ухитрилась утащить двух погодков из одной семьи, всхлипывал и тряс укушенным пальцем, а около него сидел с виновато-задумчивым видом один из котят Хальдры, невдалеке стоял и второй из братьев, с недоумением глядя на сидящего перед ним другого котенка из того же помета.

– Тебя укусил котенок?! – подбежав, спросил Релио у хнычущего малыша.

– Да-а! Я не знаю почему. Я ничего плохого ему не сделал! – всхлипывая, произнес парнишка.

Релио погладил светловолосую голову малыша и успокаивающе произнес:

– Помнишь, Райден всем говорил, что котята могут укусить, если выбрали тебя в друзья.

Малыш перестал всхлипывать и с удивлением уставился сначала на Релио, потом на котенка.

– Приласкай его, – добавил юноша. – Теперь ты ему как брат, он тебя никогда не бросит.

Малыш нагнулся и осторожно погладил котенка по серебристой шерстке, тот замурчал и потерся о его руку.

– Он меня любит, – вдруг произнес малыш.

– Ну вот видишь! А палец твой скоро заживет.

Ребенок, уже успокоившись, стал гладить котенка, а тот всем своим поведением выражал ему ответные чувства. Релио вздохнул: «Вот и первое запечатление». Он радовался за мальчишку и котенка Хальдры, но ему самому было немного грустно. К нему подошел Райден:

– Ну что тут случилось?

Релио показал на мальчику и котенка.

– Вот, первая парочка, – и, грустно улыбнувшись, вздохнул.

Райден приобнял юношу за плечи:

– Не грусти! Между прочим, не первая, а вторая. – Он указал на брата мальчишки, который, размахивая рукой, что-то говорил, второй рукой он прижимал к себе котенка. – Хотя какая разница.

Вскоре и двое других котят один за другим выбрали себе напарников. Теперь Райдену пришлось хоть как-то начать и обучение котят, благо что они уже были довольно большими и воспринимали образы, передаваемые человеком. Но сладить с непоседами было сложно, если бы не Сагрио, уже имевший подобный опыт.

Через несколько дней Релио, наблюдая за окрестностями, сидел на утесе над долиной. К нему бесшумно подошла Хальдра и легла рядом, большие желтые глаза ее были грустны. Релио посмотрел на нее и сказал:

– Вот видишь, твои малыши нашли себе братьев.

«Я выполнила свое обещание».

В мысленном голосе карайны было столько печали, что юноше самому захотелось заплакать. Он почувствовал, что Хальдра не видит смысла в своей дальнейшей жизни.

– Не уходи! – сдавленным голосом произнес он, обняв карайну. – Я слишком привык к тебе. У меня больше никого не осталось...

Карайна несколько удивленно посмотрела на Релио, как будто видела его в первый раз. На этот раз юноша не уловил мыслей кошки. Они некоторое время сидели молча, потом в его голове раздался голос Хальдры:

«Хорошо, я подожду».

Карайна встала, потянулась и спрыгнула со скалы куда-то вниз.

Арен поправлялся медленно. Страшные раны, нанесенные агуалами, почти исчезли с его тела благодаря стараниям ведающей, но душа оставалась сжатой в комок боли. Постепенно юноша стал помогать Караде выполнять мелкую домашнюю работу, но как жить и чем заниматься дальше, он не представлял. До злосчастной истории с храмом Арэн помогал отцу вырезать из дерева различные мелкие детали и за компанию порой выходил на лов рыбы вместе с Каленом и его отцом, хотя к этому ремеслу юноша большого интереса не испытывал.

Теперь искалеченной правой рукой он не мог наколоть даже щепок и тайком плакал от бессилия. Карада знала об этом и старалась, когда можно, ободрить его, но никогда не утешала юношу, считая, что он сам должен одолеть свое горе и бессилие. Арэн уже не ребенок. В таких случаях сочувствие способно привести к тому, что жалость к себе может войти в привычку.

Первое время Арэну, осознавшему, каким он стал, хотелось броситься вниз головой с высокого обрыва, но он не имел на это права – Карада спасла юношу от смерти, и теперь его жизнь принадлежала ведунье. Она же никогда не разрешит подобного – зря, что ли, отдала столько жизненных сил. Сован, все еще продолжавший помогать Караде, тайком от нее рассказал Арэну кое-что из истории его появления здесь. Но что ему делать дальше, ведающая тоже не говорила. На вопросы юноши она только отмахивалась, мол, наберешься здоровья, а там поглядим.

Селение, в котором жила Карада, было не маленьким, большинство жителей занималось не морским промыслом, а возделывало небольшие поля с посевами злаков и овощей в узкой долине между грядой невысоких прибрежных холмов и более высокими дальними холмами. При хорошем урожае излишки продавали в другие береговые поселки. Дичь в обмен на муку и овощи приносили охотники с лесистых дальних холмов. Так что сельские жили вполне неплохо. Земледелием занимались и в двух ближайших поселках к западу, но там пригодной под посевы земли уже было меньше.

Сверстников Арэна в поселке хватало, но как-то ни с кем из них юноша не сошелся – люди по-прежнему сторонились его, хотя выглядел он теперь вполне сносно. И к самой Караде за помощью местные приходили только в случае крайней нужды. Торопливо отдав оплату и невнятно поблагодарив за помощь, они старались не задерживаться в доме ведьмы лишней минуты. Вот юноша и общался в основном только с ведающей и Сованом.

Постепенно набираясь сил, Арен прожил у Карады всю зиму. Подначиваемый Сованом, он, шипя и ругаясь, но переучивался держать топорик левой рукой и ближе к весне уже мог наколоть хотя бы щепок. Да и с другими домашними делами юноша понемногу осваивался заново, привыкая пользоваться тем, что есть.

– Ну голова-то у тебя осталась, значит, можешь и придумать, как приловчиться, – беззлбно посмеивался Сован.

Сам он, прозванный в селении непутевым за то, что любое его начинание приводило к полному конфузу, хотя руки у Сована работали вполне исправно, за истекшее время как-то приосанился, стал менее суматошным и даже стал казаться шире в плечах. Карада его от себя не гнала, а он уходить уже и не думал. «Околдовала ведьма», – то ли в шутку, то ли всерьез поговаривали односельчане. «Вам бы муку языками молотить – на мельницу не ездить», – отшучивался мужик. Да и, к слову сказать, сами селяне жили недружно, вроде не бедствовали, а не радовались жизни. Не то что в соседних поселках, где хоть бедно, да все вместе. И вовсе не ведьма была тому виной, до прихода Карады они жили так же. Ушел бы Сован отсюда счастья искать, да куда податься при такой невезучести? А теперь он вроде оказался при деле, и дело, на удивление, всегда спорилось. Сован не знал, что и думать по этому поводу, поэтому решил не думать вовсе и жить как живется. К пареньку-калке он тоже как-то прикипел душой, учил его нехитрым житейским премудростям и радовался каждый раз, когда у того что-то начинало получаться.

Ранней весной, едва потекли ручьи, в дом ведающей заглянул молодой охотник с дальних холмов. Нужного ему снадобья среди имеющихся не оказалось, но дело было не спешное, и Карада пригласила гостя остаться на ночлег, пообещав, что к утру лекарство будет готово. За общим столом они с Ареном и познакомились. Юношу приятно удивило то, что охотник, которого звали Ролан, не ахал и не пялился на его увечья, как местные жители. Слово за слово, и Арен вкратце пересказал гостю свою историю. Тот хмуро выслушал о злключениях юноши, а потом предложил погостить у него, когда немного просохнет земля, и даже обещал заскочить, чтобы показать дорогу.

Арен очень удивился внезапному приглашению, но Ролан сказал, что вместе с ним живет еще сестра, а ей бывает скучно, когда брат уходит на несколько дней.

– Да и оставить дом на мужчину – всегда спокойнее, – добавил охотник.

Юноша просто не знал, что подумать, ведь до мужчины ему было еще далеко, а, считая теперешнее состояние, пользы от него вообще никакой. Но Ролан сделал вид, что не понял сомнений Арена. Пообещав заглянуть через пару декад, утром охотник ушел.

Попробовав выяснить у Карады, почему охотник пригласил его, Арен получил глубокомысленный ответ: «Понравился ты ему. Думает, что из тебя выйдет толк». Уточнять, что ведьма имела в виду, юноша не решился – он все еще ее стеснялся и где-то в глубине души даже слегка опасался, хотя причины для этого не было никакой. Сован на тот же вопрос просто пожал плечами.

Когда глинистые тропки на откосах холмов просохли и перестали разъезжаться под ногами, молодой охотник действительно снова появился в доме Карады. На этот раз он спешил и сразу спросил, пойдет ли юноша с ним. Арен, уже порядком засидевшийся на одном месте, с радостью согласился. Сован с помощью Карады быстро собрал для него вещи и еду в дорогу, и юноша бодро зашагал за Роланом.

За ближними холмами потянулись поля и луговины, на которых среди темных сухих стеблей и жухлой травы яркими пятнами сверкали первые весенние цветы, но поля путники обошли стороной, углубившись по едва приметной тропинке в заросли на берегу притока речушки, протекавшей по долине. Вскоре тропка стала подниматься вверх и запетляла по склону высокого холма. В зарослях свистели и пищали мелкие пичужки, кто-то шуршал в

сухой прошлогодней траве с уже начавшими пробиваться зелеными ростками. Когда запыхавшийся Арен наконец поднялся на вершину, где его поджидал Ролан, то с обрывистого выступа открылся потрясающий вид на долину и море с одной стороны и начавший покрываться листьями лес – с другой. Арен никогда раньше не видел леса. Распускающиеся листья разных цветов и оттенков, от светло-розового и золотистого до серебристого и изумрудно-зеленого, переливались на солнце под колышущими их порывами легкого ветерка. Все это казалось сказочной страной с неведомыми тайнами и ощущением, что здесь может произойти даже самое невероятное. Юноша застыл на месте, дыхание перехватило, он чуть не заплакал. Сейчас совсем не хотелось бросаться с обрыва, о чем он мечтал прошедшей осенью. Охотник стоял в стороне и не торопил своего спутника.

Потом они еще долго шли по холмам то вверх, то вниз, иногда переходя по поваленным деревьям болотистые низинки и мелкие ручейки. Везде кипела жизнь, весенний воздух пьянил. Иногда Ролан невзначай останавливался, чтобы дать передышку юноше, не привыкшему к долгой ходьбе. Но все же когда они наконец добрались до хижины охотника, проделав около пяти миль, не считая спусков и подъемов, все мышцы на ногах Арена гудели, и он со стоном опустился на траву. Ролан не стал его беспокоить и сразу вошел в дом, откуда вскоре вышел с милостливой сероглазой девушкой лет восемнадцати-двадцати.

– Познакомься! Это моя сестра Альна. А это Арен, о котором я тебе говорил, – кивнул Ролан на юношу, обращаясь уже к сестре.

Немного смущенная девушка улыбнулась и слегка присела. Арен тоже встал, стараясь не морщиться, и поклонился.

– Пойдемте в дом! – сказала Альна. – Я сейчас подогрею еду, вы, наверно, устали с дороги.

Арен не заметил, как Ролан усмехнулся, отвернувшись в сторону, фраза сестры была рассчитана явно не на него, потому что Альна знала, что брат привык порой преодолевать в день до тридцати миль.

Уже на второй день Ролан отправился на охоту, оставив сестру с Ареном дома. Первое время молодые люди немного стеснялись друг друга, а потом привыкли. Оказалось, что Альна в свободное время любит вышивать. Вышивки девушки чем-то тронули душу Арена. На первый взгляд на них были простые пейзажи, но они были выполнены так, что в каждом жили тайна и сказка – именно то, что юноша почувствовал, впервые оказавшись в этих местах.

Ролан не задерживался дома подолгу. Нередко, переночевав, он снова уходил в лес. Постепенно, увидев, что сестра и Арен хорошо поладили друг с другом, он стал уходить на более длительное время. Вот тогда выяснилось, что Альна любит еще и петь, она почему-то сильно стеснялась делать это при ком-то, даже при собственном брате.

За прошедшее время Арен немного освоился и стал иногда бродить по лесу невдалеке от жилища. Однажды, вернувшись раньше намеченного времени, юноша сначала услышал доносящуюся из дома негромкую мелодию под аккомпанемент какого-то струнного инструмента, а войдя в комнату, заметил, как смущенная Альна что-то прячет в шкаф. Никого постороннего в доме не было, и стало понятно, что пела сама девушка. Арен стал извиняться за несвоевременное вторжение, пытаясь убедить Альну, что вовсе не хотел ей помешать, отчего та смутилась еще больше.

Однако когда Ролан ушел надолго в следующий раз, закончив с домашними хлопотами, девушка достала из шкафа небольшой пузатый деревянный инструмент с несколькими струнами и, перебирая их, стала что-то тихо мурлыкать себе под нос, забившись в самый дальний угол за перегородку. Арену понравилось слушать, как Альна поет, хотя слов было не разобрать. Однажды он, смущаясь, признался в этом девушке. Та покраснела, но инструмент все же не спрятала.

Из последующего разговора выяснилось, что Альна в основном поет исторические баллады, но настоящим певцом себя не считает, потому и стесняется. Научилась петь и играть девушка у старика-менестреля, который долгое время жил на холмах неподалеку от жилища Ролана. Не так давно старик умер, и его инструмент достался в наследство единственной ученице.

Приободренная интересом и просьбами Арена спеть что-нибудь так, чтобы ему было слышно, Альна в конце концов набралась храбрости и исполнила ему одну из баллад. Голос у девушки был негромкий, но пела она от души, и, наверное, поэтому слова проникали до самого сердца. Юноша был просто потрясен.

Сама баллада повествовала о страшных временах дорского владычества на этих землях – бесправии, унижениях и бесчисленных караванах с рабами, которых увозили с родной земли в Дор. А далее рассказывалось о двух юношах, один из которых был охотником, а второй, младший, странствующим менестрелем, и о том, как они подняли восстание против дорских властей. Судя по тексту, несмотря на героическое сопротивление народа, восстание в конце концов было жестоко подавлено, а двух друзей тайком похоронили: «У подножья скалы одинокой, где впервые певец и охотник заглянули друг другу в глаза».

История, рассказанная в первой балладе, исполненной Альной, неожиданно запала юноше глубоко в сердце, хотя потом он слышал в ее исполнении и много других. Арен, в отличие от некоторых своих сверстников, не мечтал о воинских подвигах, а уж последнее время это стало и вообще бессмыслицей с его точки зрения. Тем не менее, когда однажды Ролан, оставшийся дома на несколько дней, неожиданно предложил юноше попробовать натянуть его запасной лук, Арен не отмахнулся, как это сделал бы еще недавно, а с интересом решил попробовать. Ролан тогда сказал ему безо всяких обиняков, что отсутствие левого глаза не будет помехой для того, чтобы точно прицелиться, а оставшихся трех пальцев на правой руке вполне достаточно для стрельбы.

В тот раз Арену не удалось натянуть лук охотника даже до половины, но тем не менее охотник одобрительно посмотрел на движения юноши и сказал, что это только вопрос тренировки. С этого дня, хотя и ругая порой сам себя за несбыточные мечты, Арен стал тренироваться натягивать лук. Его мышцы не были слишком сильными и прежде, а за последние месяцы и вовсе ослабли, но юноша не сдавался. Надежда стать полноценным человеком была призрачной, но все же появилась.

Лето уже начало клониться ко второй половине, когда однажды утром сквозь сон Арен услышал в доме чужой мужской голос. Гость разговаривал с Альной. Голос девушки был веселым, и юноша успокоился. Когда Арен поднялся и вышел в общую комнату, Альна познакомила его с прибывшим. Высокий рыжевато-русый молодой мужчина с короткой бородкой в зеленой куртке оказался еще одним охотником, старым приятелем Ролана. Было похоже, что Элан и Альна симпатизируют друг другу, впрочем, Арена это не касалось. Охотник поздоровался с юношей, но больше ничего не сказал.

Днем Арен тренироваться не стал и пошел гулять по окрестностям. К вечеру неожиданно вернулся Ролан. Поужинав и перебросившись парой фраз с сестрой и Ареном, он увел гостя к себе, где они беседовали до поздней ночи.

На следующее утро Ролан в присутствии Элана сказал Арену:

– Мы вчера обсудили твои дела, и Элан предложил свести тебя со старым мастером луков.

Юноша напрягся – он не понимал суть затеи, но чувствовал, что от этого шага будет зависеть его дальнейшая судьба. Альна, за последнее время сдружившаяся с Ареном, тоже внимательно смотрела на брата.

– Не волнуйтесь, – продолжил Ролан. – Если Арену что-то не подойдет, он всегда сможет вернуться обратно. Просто Элан подсказал, что мастер Нэдри может сделать лук с учетом рук конкретного человека.

Почувствовав, что эта фраза еще больше добавила напряжения, охотник пояснил:

– Те, для кого от качества лука зависит их жизнь, всегда заказывают себе оружие у настоящих мастеров под свои руки. Такой лук делается долго и стоит соответственно, зато он становится настоящим продолжением тебя самого.

Арен, уже привыкший к луку, непроизвольно начал представлять, как он натягивает лук и посылает в цель стрелу за стрелой, причем чувствует себя одновременно и стрелком, и луком, и стрелой, которая достигает намеченной цели. Вот только юноша не видел в своих фантазиях, в кого или во что он стреляет; там, куда уходили его стрелы, была только темнота. Возможно, именно это и почувствовали оба охотника, потому что Ролан добавил:

– Знакомство с мастером даст тебе еще один шанс: если ты не захочешь быть охотником, то, возможно, мастер Нэдри примет тебя в ученики. Ведь ты сам рассказывал, как помогал отцу делать мелкие деревянные детали, значит, ты чувствуешь дерево и сможешь с ним работать.

Арен кивнул. Сейчас он был не прочь вновь заняться работой с деревом, хотя когда-то работа отца казалась ему скучной. Правда, пока юноше не хотелось расставаться с новой мечтой, где он становился выдающимся лучником, но тут уж какова воля богов. Арен прекрасно понимал, что для того, чтобы стать охотником, мало научиться стрелять из лука, нужно еще много других знаний и навыков. А кроме того, юноша пока не мог представить себе вместо темноты какое-нибудь животное.

Обеспокоенный вполне практическими вопросами, относящимися к его дальнейшему пути, Арен не рассмотрел, что в той темноте, куда улетают его воображаемые стрелы, есть что-то, чему он пока не знает названия, но к этому чему-то юноша не испытывает ни ненависти, ни милосердия.

Глава 4

Взгляд из темноты

«Я смотрю на фигурку карайна, застывшего в прыжке. Она сделана из незнакомого мне металла, похожего на древнее серебро. Кто-то из искателей сокровищ принес ее из развалин древних городов на самом севере Дорского полуострова. Эта скульптура подтверждает легенды о том, что некогда карайны населяли всю территорию Дойна до самых северных областей.

Даже во времена процветания нашего княжества мало кто встречал свободных карайнов севернее Сириана. Под Сирианом я сейчас подразумеваю в основном отроги и многочисленные долины Стайского хребта, хотя в древности так именовалась вся горная гряда от восточного до западного побережья. Эта область считается исконным местообитанием наших карайнов, там же находятся и многочисленные свидетельства обитания древних народов, населявших полуостров. Я имею в виду не только предков денери, но и другие расы, воспоминания о которых ныне почти стерлись из памяти людей. Даже самые древние из легенд не дают точной информации о том, как они назывались и какими были.

Но древние города севера и Сириана заслуживают отдельной большой темы. Сейчас же, вспомнив о карайнах, я и хотел бы продолжить повествование об этих удивительных существах в облике больших кошек.

Нет, я не оговорился. Многолетние наблюдения, отраженные в научных трудах и народных легендах, наводят на мысли о том, что нелепо было бы считать карайнов просто очень умными животными типа собак. Я полагаю, что эти существа являются вполне сложившейся разумной расой, и только их облик, сродни облику малых домашних питомцев, может вводить в заблуждение людей, недостаточно знакомых с этим своеобразным народом. Не все карайны одинаково умны, но то же можно сказать и о представителях любой расы, имеющей облик, подобный человеку.

Известны как минимум три ветви этого рода, две из которых, черные и пятнистые, обитают в землях к югу от территории древнего Даэрна. Однако одиночных пятнистых карайнов нередко наблюдали в самых южных областях полуострова. Исконной расой севера являются серебристые карайны.

Я видел еще три фигурки серебристых карайнов, подобные той, что держу сейчас в руках. Скорее всего, они были найдены в одном районе. Но ни одна из миниатюрных скульптур не изображает карайнов рядом с человеком, хотя, начиная с самых древних хроник и легенд, встречаются упоминания о тесной дружбе карайнов и избранных ими людей. По всеобщему мнению, именно серебристые, в отличие от своих южных собратьев, наиболее независимы и свободолюбивы.

Кроме трех доподлинно известных людям ветвей рода карайнов, в легендах упоминается о еще более странных представителях древнего народа». *Элианар ло'Райди. «Хроники Севера»*

«Ты уходишь вслед за летящей звездой все время на запад, за край», – пела женщина, и сердце Ириона сжималось от какого-то странного чувства утраты того, чего он никогда не имел или что забыл.

Стояла одна из редких теплых ночей второй половины лета, когда крупные звезды горстями рассыпаны в бескрайнем небе над островами, а их отражения перемигиваются на гладкой поверхности едва колышущегося моря. Юноша лежал у костра на песке рядом с небольшой группой рыбаков, ожидающих рассветного ветра, чтобы снова выйти на промысел. Большинство мужчин давно уже спали, только некоторые, в том числе Ирион, слушали заезжую сказительницу.

Ее песни и баллады вызывали какую-то глубинную тревогу и желание бежать самому на край света вслед за летящей звездой. Эти чувства были непонятны юноше, всегда, насколько он помнил, предпринимавшему любые действия только по здравому размышлению. Иногда совершенно нелогичные действия окружающих людей ставили его в тупик и в то же время восхищали. Хотя не отдавал себе отчета, что его собственные поступки могут показаться странными кому-то. Например, не ведая, что такое страх за себя, юноша очень беспокоился, если опасность грозила другим.

Шел уже третий год с тех пор, как Ирион оказался в этом мире. Сначала все казалось вполне понятным, хотя необычного было много, но так ведь на то и другой мир. Но в последнее время юношей стало овладевать странное беспокойство – он начал чувствовать себя чужим, хотя большинство окружающих относилось к нему хорошо, кое с кем он даже подружился. Ириону казалось, что все его действия попадают мимо, он не чувствовал привычно следовавшего за ними ответа от мира, как это было до перехода сюда. Мир не отторгал его, но и не принимал, как будто находясь за невидимой границей.

Сначала сказительница пела песни о любви, о долге, о море, а после затянула длинную балладу о каком-то народе, покинувшем этот мир в незапамятные времена, о древних пророчествах и тайных путях. Кажется, к этому времени не спал один Ирион. Женщина внимательно посмотрела на него, а потом и начала эту балладу. Как заметил юноша, в здешних краях вообще встречалось немало женщин, внимательно смотревших на него и явно понимающих о нем больше, чем он сам.

Ирион пытался что-то вспомнить и не мог, это что-то могло бы дать ему понимание мира, людей и себя. Возможно, дело в том, что он не совсем человек, как сказала ему однажды приемная мать? А кто тогда? В мире, который помнил юноша, не совсем людей и совсем не людей хватало, но никто не был похож на него самого. Для удобства он все же считал себя человеком, потому как пока не находил между собой и окружающими людьми существенных отличий.

В дебрях лесов, чуть ниже пустынного плоскогорья, лежало озеро Онг. А еще его называли Великим, потому что другие известные людям этих краев озера были меньше во много раз. Даже с самых высоких деревьев едва просматривался противоположный берег Онга. Однажды юная девушка из прибрежного поселка на Великом озере встретила на пустынном берегу нечеловечески красивого мужчину с серебристо-голубыми волосами и глазами цвета аквамарин и уступила его нежной настойчивости. Когда они соединились в экстазе, Нараде показалось, что в ее тело проник упругий поток чистой воды. Только много позже мужчина, назвавший себя Ойнаром, открыл своей подруге, что он и есть тот самый дух Великого озера, которому поклонялись все озерные жители и чтили окрестные народы.

Нарада, выросшая сиротой в доме дяди, не стала возвращаться в поселок, только передав через первого встреченного в лесу соплеменника, что она жива. Молодая семья поселилась на одном из небольших островков, которые в беспорядке были разбросаны по водной глади. Ойнар стал для девушки не только заботливым мужем, но и учителем. Он рассказывал ей много интересного о мире, в котором они живут, и вообще обо всем на свете. На их столе всегда были свежие дары озера. Иногда супруг исчезал на несколько дней, но обязательно возвращался. Чтобы любимый не забывал ее в своих странствиях, Нарада подарила ему свой шейный платок, с которым он никогда не расставался.

Со своими соплеменниками она почти не встречалась. Хотя муж готов был в любое время доставить ее на берег, Нарада и там обычно гуляла одна. Сошлась она лишь со старой знахаркой из соседнего поселка, с которой познакомилась во время одной из своих прогулок. Только этой мудрой женщине Нарада рассказала свою историю. К ней молодая супруга Ойнара порой и просила ее отвезти поболтать о том о сем, заодно знахарка кое-чему учила свою новую приятельницу. Потом Нарада завела себе лодку и стала навещать знахарку сама, особенно во время длительных отлучек мужа.

Через два года у молодой четы родился сын. С виду мальчик был похож на мать, только голубые глаза, в которых чудилась вода, унаследовал от отца. Одно только беспокоило Нараду – малыш взрослел очень медленно. Ойнар утешал ее обещаниями, что их сын и проживет намного дольше, чем местные люди. Здешние люди в пятьдесят были уже пожилыми, а до семидесяти доживали единицы.

Прошло пять лет. Однажды Ойнар не вернулся в условленный срок. Нарада ждала его месяц, другой, не желая думать о дурном, потом стала взывать к духу озера, как это делали ее соплеменники. На третий день из глубины озерных вод поднялся ее платок и вновь ушел под воду. Нарада поняла, что муж больше не вернется. Замерев от горя, женщина упала на землю и так пролежала до заката. Вечером она собрала вещи и, усадив сына в лодку, отправилась к своей единственной старшей подруге.

На расспросы Нарады знахарка долго не отвечала, но потом все же рассказала, что около двух месяцев назад возле одного из береговых поселков местные жители, напуганные частыми нападениями нелюдей, убили заклятым оружием странное существо в облике мужчины. На глазах очевидцев тело истаяло голубоватым туманом, который втянулся в озерную воду. В довершение мудрая женщина сказала, что духи мест, уходя в породившую их стихию, хотя и не погибают насовсем, но принять повторно человеческий облик не могут достаточно долго. Нарада застыла, онемев от полной безнадежности.

Молодая женщина с сынишкой, которого отец назвал Ирионом, осталась жить у приютившей их знахарки. Постепенно она стала помогать пожилой женщине собирать травы и готовить из них различные снадобья. Людей Нарада видеть не хотела, только ходила по вечерам на берег озера и просиживала там часами.

Время шло. Пожилая знахарка умерла, и Нарада с Ирионом, который в шестнадцать лет был похож на пятилетнего ребенка, переселилась на другой берег озера, граничащий с владениями народа плато. Вскоре она познакомилась и с новыми соседями. Народ плато или просто Народ, как они себя называли, был суров, но женщине он понравился. Люди Народа были вынуждены отражать постоянные нападения кочевников и многочисленных порождений злых духов, типа нехсаре, но ценили каждого только по его поступкам. Видя это, Нарада решила поговорить с местным шаманом.

Явившись в племя, женщина представилась знахаркой, которой, по сути, и являлась к этому времени. Пожилой шаман принял ее радушно, и Нарада решила рассказать часть своей истории, беспокоясь о дальнейшей судьбе подрастающего сына, который не мог и дальше расти в лесу при материнской юбке. Шаману женщина сообщила только то, что у нее ребенок от духа озера, и она хотела бы в дальнейшем, чтобы он вырос настоящим мужчиной среди достойных людей. Шаман долго думал, перебирая какие-то амулеты, а потом сказал, что воины Народу нужны, а дети нелюдей всегда славились хорошей реакцией. И, поскольку дух озера испокон веков считался другом и покровителем людей, то его сын будет желанным гостем и сможет стать полноправным воином Народа. Пообещав привести сына, когда тот подрастет, Нарада ушла.

На следующий год старый шаман погиб во время отражения набега кочевников, но успел заблаговременно передать своему преемнику, что если придет знахарка с озера со своим сыном-полудухом, то нужно принять их как людей Народа. Ирион начал подрастать быстрее,

но прошло еще несколько лет, прежде чем немолодая женщина привела странного мальчика лет восьми и попросила принять его в обучение. Сама Нарада оставаться не захотела, но переселилась поближе к поселку.

Люди Народа и особенно новый шаман, обученные с малолетства отличать людей от нелюдей, независимо от облика, и враждебных существ от всех остальных, долго присматривались к Ириону, хотя шаман умолчал о его происхождении. Мальчик казался почти человеком, только что-то неуловимое отличало его от людей Народа. Как и все другие мальчики, он начал учиться военному делу, и действительно скорость реакции и выносливость давали ему большое преимущество. Это наблюдение радовало шамана, в последние годы появилось новое поколение нехсаре, Народ нес большие потери, а молодые воины погибали, не успев достигнуть зрелости и войти в полную силу. Сын знахарки мог вырасти великим воином. Окончательно сомнения в его верности Народу рассеялись, когда юноша принес оружие двух первых нехсаре, убитых им простым клинком.

Ирион не вынашивал мечту стать великим воином, хотя испытывал радость, если ему удавалось победить более опытного и сильного противника. Причем даже к нехсаре он не испытывал ненависти, просто понимал, что если не он убьет их, то они убьют его или кого-то из людей.

Юноша не знал, что та, кто называла себя его приемной матерью, на самом деле была родной. Люди на планете, а особенно в их краю, жили недолго, а странный ребенок одинокой женщины подрастал слишком медленно для человека. И что бы сказала уже пожилая мать мальчику-подростку: «Хм. Духи места способны иногда принимать человеческий облик, и тогда у них могут появляться дети от людей...» Женщина не хотела испортить жизнь сыну, который и так отличался от людей своим поведением, поэтому решила не говорить правды, во всяком случае до определенного времени. Впрочем, это знание не помогло бы юноше сейчас. Не так многие знают, что существам его природы, как и народам фейри, при переходе на другую планету нужно устанавливать с ней личный контакт, иначе они останутся оторванными от энергии и полноценной жизни мира.

Уже светало, и даже Ирион начал подремывать под негромкий напев сказительницы. Над окрестностями стлался неизвестно откуда взявшийся густой белый туман, и было непонятно, где заканчивается море и начинается небо, земли не было видно совсем. Костер прогорел. Женщина отложила музыкальный инструмент и, еще раз посмотрев прямо в глаза юноши, спросила:

– Чего бы ты хотел?

– Передать матери, что я жив и со мной все хорошо, – не задумываясь, ответил Ирион.

– Я передам, – едва заметно улыбнулась сказительница.

Потом она поднялась и, сделав пару шагов босыми ногами по песку, канула в туман. Такой юноша и запомнил эту странную женщину – с очень светлыми длинными волосами непонятого оттенка и нежно-изумрудными глазами, в которых туман отражался так, что не было видно белков и зрачков.

Путру рыбаки долго спорили, приходила ли к их костру заезжая сказительница и как она выглядела. Мнения сильно отличались. Ирион улыбнулся, поняв, что люди скоро запутаются окончательно, и уснул.

Во сне ему приснилась мать, она была далеко, но юноша махал ей рукой, словно с другого берега, и кричал, что с ним все хорошо. Мать увидела его и успокоилась.

Пожилый знахарке в ее хижине недалеко от озера Онг приснился сын, упавший в каменный «колодец без дна» несколько лет назад. Он улыбался и кричал, что с ним все хорошо. Вокруг него стлался белый туман, и не было видно, где мальчик находится. Женщина поняла,

что ее сын жив, просто пока не может вернуться, и, вздохнув, утонула в успокоительном забытьи, которого не ведала со времени пропажи последнего близкого человека.

В долине, где поселились люди и карайны, даже ночами было довольно тепло от нагретых за день скал. Но светлые ночи раннего лета уже уступали место темным и теплым ночам его второй половины. На равнине начинался период сбора урожая, и Райден уехал договариваться с крестьянами о приобретении запасов на зиму. Огород уже не мог прокормить подрастающее население, а уж муку жителям горной долины приходилось приобретать или выменивать всегда.

Релио сидел на крылечке дома, который заняли они с Райденом, а после к ним перебрался и Сэлги. Он наслаждался тишиной и покоем, неугомонная орава уже легла спать, а тренировки ввиду отсутствия наставника закончились раньше. Мягкая темнота опустилась на долину, и только крики неизвестной птицы где-то среди скал иногда тревожили тишину. Юноша рассеянно смотрел по сторонам.

Неожиданно в темноте мелькнула светлая тень, за ней еще одна, а потом Релио показалось, что некто очень пристально смотрит на него из темноты. Юноша нервно поежился. Что за наваждение! Это ощущение возникало у него уже не впервой, и каждый раз Релио так и не мог найти причины.

Внезапно из темноты вынырнул Райден и, увидев Релио, тихо сказал:

– Позови Сэлги! Мне нужна ваша помощь.

– Я не видел его с вечера.

– Посмотри в пристройке. Я видел, что иногда он спит там, почему-то боится нас стеснить.

– Сейчас взгляну, – пожал плечами юноша.

Сэлги и правда нашелся в пристройке. Когда ребята подошли, бывший разведчик произнес:

– Я вернулся не один. Релио поможет донести гостя до постели, а ты, Сэлги, беги в дом, зажги две лампы и достань из-под моей кровати зеленый мешок, там есть все для перевязки.

Сэлги смутился, но перечить не посмел и бросился к дому. Релио пошел вслед за наставником.

В ложбинке за пригорком он увидел лежащего Сагрио с привязанным к его спине человеком. Незнакомец был без сознания, потому что ни разу не пошевелился, пока Райден отвязывал его. Освобожденный от ноши карайн сразу направился к входу в долину, а Релио с наставником пришлось нести мужчину к дому. К счастью, он весил сравнительно немного.

Предупреждая вопрос юноши, Райден сказал:

– Я пока не хочу втягивать остальных в эту историю. Хорошо, что все уже спят. Справимся сами.

Дойдя до дома, они уложили человека на кровать Райдена, и тот занялся осмотром и перевязкой ран. Незнакомец оказался денери, по виду несколько старше Релио.

– Кто он? – решился задать вопрос Релио.

– Сын старого знакомого и племянник одного известного в прошлом вельможи, – криво усмехнулся Райден. – Из-за своей горячности чуть не погиб сам и едва не подставил отца. Самый лучший выход – отправить его в Дор, к дяде. Теперь, благодаря Хальдре, нам известен короткий путь на ту сторону гор. Кстати, а где она?

– Не видел со вчерашнего дня, – покачал головой Релио. – А она вам показала свою тайную тропу?! – добавил он с некоторым удивлением.

– Показала, – улыбнулся Райден, продолжая заниматься обработкой ран гостя, тот слегка дернулся и застонал.

По ходу разговора Релио вспомнил о тенях, виденных в темноте, но не решился отвлекать наставника на постороннюю тему.

– Раны не тяжелые, кажется, парень без сознания больше от потери крови, – задумчиво произнес тот. – Ему нужен в основном хороший уход. Наверно, мы отправимся в Дор завтра же утром. Там будет кому о нем позаботиться.

Релио еще раньше начал подозревать, что бывший разведчик как-то связан с местным сопротивлением, теперь эта мысль получила новое подтверждение.

Вскоре гость пришел в себя, его покормили, а на рассвете, снова привязав юношу сзади, Райден отправился через горы в Дор.

Через несколько дней после возвращения Райдена, поздним вечером, когда мужчины по обыкновению сидели на крыльчке, перед тем как лечь спать, Релио все же решился задать наставнику мучавший его вопрос о странных явлениях, замеченных им в день появления раненого юноши, которым он так и не нашел объяснения.

– Перед твоим появлением вместе с тем парнем я видел промелькнувшие силуэты двух карайнов, если одним был Сагрио, то кто же был вторым? Я сначала подумал, что на карайне приехал кто-то с тобой, но это оказалось не так. А потом мне показалось, что на меня кто-то пристально смотрит. Впрочем, это ощущение возникает уже не впервые...

– Нервы у тебя расшатались, – пробурчал себе под нос Райден. – Никакого второго карайна мы с Сагрио не видели.

Но голос разведчика был не настолько беззаботен, как тому хотелось бы. Возможно, всему виной легенда о тенях карайнов, которую ему однажды пересказал Райден. Но Релио искал более простое объяснение. Если это был не Сагрио со своей карайной или с кем-то еще, то оставалась Хальдра... А вот с кем она там расхаживала? Именно эту мысль он и сообщил наставнику, которым постепенно начал считать бывшего разведчика, взявшегося теперь за его обучение военному мастерству и многому другому.

Райден заметно приободрился:

– Можно попробовать позвать Гальдру через Сагрио. Было бы все-таки интересно узнать, кто отец ее котят. Вдруг мы знакомы.

Так они и сделали. Сагрио сообщил, что Хальдра согласилась прийти на разговор, хотя и не очень охотно. Вскоре появилась и сама карайна и, оглядев людей, легла напротив; ее глаза мерцали, как две луны. Сэлги уже дремал, прислонившись к одному из столбов крыльца.

– Так кто же у нас отец котят? – улыбнулся Райден. – Может быть, ты нас все же познакомишь? Или он против? – спросил мужчина.

Гальдра сначала отвела взгляд, но потом, ничего не ответив, встала и нырнула в темноту.

– Ушла, что ли?.. – пробормотал разведчик.

– Вряд ли, – покачал головой Релио. – Но она явно чего-то опасается.

Довольно долго никто не появлялся, и юноша тоже начал подремывать – время близилось к утру, факелы давно догорели. Неожиданно, как и в первый раз, по краю зрения мелькнули две светлые тени, потом еще раз. Юноша потряс головой, решив, что уже засыпает и видит сны. И вдруг из темноты появилось нечто, то есть появился карайн, но впечатление он производил странное.

– Мама моя! – пробормотал Райден. – Я думал, что это сказки.

А Релио понял, чей взгляд он почувствовал в темноте. Карайн был очень светлого окраса, хотя далеко не белый, но особенно поражал его взгляд, казалось, он видит тебя насквозь. Райден слегка вздрогнул, но спросил пришедшего:

– Как тебя называть?

«Раи'не», – услышал ответ Релио.

– Ты – гость?

«Нет. Мои предки жили на этой земле. Ты помнишь светлых котят даже в питомнике, в них кровь моего рода».

– Но котята Гальдры обычной окраски, – смущенно произнес Релио, подумав, что они совсем непохожи на отца, если Раи'не их отец.

В ответ он получил мысленную улыбку и фразу: «Иногда это приходит с возрастом, или они получились в мать».

– Береги Хальдру! – попросил юноша на прощанье.

Раи'не «улыбнулся» и растворился в предзвездных сумерках.

Вздыхнув с облегчением, Райден повернулся к Релио:

– Возможно, встречи с подобными карайнами и легли в основу многих легенд. Ты заметил, что он понимает нас обоим одновременно, причем не глядя в глаза?

– Мне тоже так показалось, – тихо произнес тот.

– Согласно легендам, такие карайны способны слышать мысли любого человека приблизительно так же, как воспитатели котят слышат всех своих питомцев.

– Вполне верю, – пробормотал Релио. – Но почему Хальдра не хотела знакомить его с нами?

– Опасалась, что мы испугаемся, – обронил Райден. – Не все люди способны принять такое.

Закат догорал на дальних пиках Стайского хребта, а в долине было уже совсем темно. Сырой осенний туман пополз от лощины, где протекал небольшой ручей, к домам. Что-то тревожное было разлито в воздухе. Релио бродил взад и вперед возле дома еще и потому, что к ночи стало довольно зябко.

Сегодня дела закончили рано, и Райден с Сагрио отправились на равнину с кем-то поговорить, но уже наступила ночь, а они до сих пор не вернулись. Хальдра, которую можно было попросить связаться с Сагрио, тоже отсутствовала. Юноша начал волноваться, хотя наставник задерживался далеко не впервые.

Внезапно из темноты раздался голос Райдена:

– Зажгите свет! Я не один.

Сэлги поблизости не было, и Релио сам бросился зажигать оба факела, вставленные в кольца на фасаде дома. Когда они разгорелись, юноша обернулся. Бывший разведчик вынырнул из темноты неожиданно, несмотря на то что на его руку опирался изможденный светловолосый мужчина. Спутник Райдена едва держался на ногах. Юноша бросился помогать. В это время из дверей дома показался слегка заспанный Сэлги, но Райден отослал его обратно зажигать свет в доме и растапливать печь.

Пока Релио помогал наставнику вести незнакомца, который слабел на глазах, разведчик тихо сказал ему:

– В предгорьях беспокойно, везде егерские разъезды. Я хотел добраться до дома своего старого знакомого, чтобы разузнать последние новости, но побоялся его подставить – отпечатки лап карайна не спутаешь ни с чем, а егеря все же не законченные идиоты.

– А кто это? – кивнул юноша на еле переставляющего ноги человека.

– Пока не знаю, – усмехнулся Райден. – Я подобрал его на обратном пути почти без сознания, но мне кажется, что егеря всполошились именно из-за него, а стало быть, надо помочь.

– Где же вы были так долго, если почти сразу решили вернуться? – удивился Релио.

– Пришлось пробираться окольными тропами, чтобы не навести егерей на наше убежище. Хотя теперь на некоторое время придется усилить охрану. Егеря могут решить проверить все окрестные горные долины, из которых есть выход на равнину.

– Может, тогда завалить проход через нижнее ущелье, наверху достаточно камней, которые легко столкнуть? – озабоченно спросил юноша. – Рамеле теперь не обязательно ходить

вниз. А если что-то понадобится там, то можно будет пробраться на карайнах, они дорогу найдут.

– Может, и так... – кивнул разведчик. – Случайных гостей нам не надо.

Дойдя до дома, они уложили незнакомца на кровать, и Райден занялся осмотром и перевязкой. На теле гостя обнаружились только ушибы и ссадины, а его состояние в большей степени, видимо, объяснялось истощением и усталостью. Оказавшись на кровати, гость сразу впал в забытие, и было решено покормить его утром, когда придет в себя.

Утром Релио сквозь сон слышал отдаленный грохот обвала, а проснувшись, узнал, что нижнее ущелье завалено. Райден уже успел смотаться туда и убедился, что обвал надежно завалил проход, но не перекрыл наглухо сток воды. Посмотрев друг на друга, мужчины только пожали плечами, кто-то успел реализовать идею Релио раньше их, и они подозревали, кто именно: во время той сокровенной беседы оба в какой-то момент почувствовали взгляд из темноты.

Когда приведенный Райденом незнакомец очнулся, его тут же накормили бульоном с овощами, оставив расспросы на потом. После еды лицо мужчины слегка порозовело и взгляд приобрел осмысленность. При дневном свете по волосам незнакомца стало понятно, что тот чистокровный денери.

– Где я? – наконец-то подал он голос.

– В горах, – слегка улыбнулся Райден, подходя на звук голоса. – Не беспокойтесь, место надежное.

Мужчина с облегчением откинулся на подушки:

– Я уже думал, что мне конец... До гор я добраться смог, а вот на дальнейшее сил уже не осталось. Не знаю, как и благодарить вас...

Судя по речи и манерам, незнакомец принадлежал к аристократам бывшего княжества.

– Никак, – ответил ему разведчик. – Я сделал то, что мог. – Потом добавил: – Хотя нам все же интересно, почему на ваши поиски было послано столько егерских патрулей? Возможно, тонкости вашей истории – не мое дело, но хотелось бы прояснить ситуацию, чтобы принять надлежащие меры безопасности.

– Вы, насколько я понял, из военных, – слабо улыбнулся незнакомец. – Причем из тех, кто давал присягу лично князю, судя по вашему карайну, и остались ей верны, раз до сих пор скрываетесь в горах. Поэтому мне нечего от вас утаивать.

– Это верно, – хмуро произнес бывший разведчик, видимо что-то вспомнив. – Меня зовут Райден, Райден Нерли.

– А меня – Данален Ларди, в прошлом маркиз и магистр княжеской Академии наук и искусств.

Райден вздохнул, а маркиз между тем продолжил:

– Во время войны почти все мои родственники погибли или были угнаны в Дор. О судьбе попавших в неволю ничего не удалось узнать до сих пор. Меня дорцы не тронули, просто лишили дворянских привилегий, как остальных аристократов, и заставили работать с сохранившимися архивами, особенно текстами, написанными на даэре, который толком не знает никто из дорцев.

Они надеялись найти что-то, что может дать преимущества дорской короне и ее войскам. Разумеется, они этого от меня не получили... – Маркиз торжествующе усмехнулся. – Я много раз думал бежать, но меня охраняли достаточно хорошо, как и других бывших ученых, которых удалось захватить. С приходом игмалионцев изменилось немного – явная власть дорской короны поменялась на желание высокопоставленных дорских аристократов взять реванш над Игмалионом. Зброшенные подземные казематы Морхена, куда перенесли архивы и перевели всех работавших с ними, постепенно подорвали мое здоровье. Там есть что-то невидимое в

воздухе или в окружающем камне... Если на архивах это не сказалось, то работники стали постепенно слабеть, а спустя несколько лет последовали первые смерти. В последние годы из первоначального состава остались только денери, да и те начали сдавать год от года. И вот наконец мне удалось бежать. Я надеялся перебраться в Дор и затеряться там среди прочих беженцев, но если бы не вы...

Данален устало замолчал, полуприкрыв глаза.

– Отдыхайте, лэри{ Во времена существования княжества, наряду с обращениями, принятыми на остальной территории каверны, а также вместо них, использовалось много других. Кроме того, обращения к высшим и низшим разделялись на несколько рангов. **Лэри** – обращение к стоящему на один ранг выше среди аристократии княжества. }, – произнес Райден. – Мы поможем вам перебраться на территорию Дора, когда вы восстановите свои силы.

– Спасибо вам, наэри{ **Наэри** – доброжелательное обращение одного дворянина к другому без учета ранга. }, – ответил маркиз.

Данален Ларди провел в долине почти два месяца, и только с наступлением заморозков Райден отвез маркиза на дорскую сторону. Провожая отъезжающих, Релио немного удивился повторению событий в течение нескольких месяцев, но он не мог и представить, сколько еще жизнью изменит тайный путь через Стайский хребет, прозванный потом «проходом Хальдры».

Глава 5

Кольцо Богов

Среди скал и ветров, среди волн и песков открывается тайная дверь.

На изломе волны, на изгибе струны встанет арка, ты только поверь.

И под грохот валов о скалистую твердь, среди горьких фонтанов воды

Вместе с ветром восточным сквозь Арку Богов пролетишь, и исчезнут следы...

Баллада о счастье. Из фольклора Райнского архипелага

По серому небу проносились небольшие косматые облачка, ветер крепчал. На пока еще небольших волнах появились клочья пены. Женщина средних лет в сером балахоне с серовато-русскими волосами, заплетенными в косу, задумчиво жевала губами, глядя на юношу в черной куртке и брюках и с черными же волосами чуть ниже плеч, абсолютно нетипичными для этих мест. Молодой человек с узким длинным мечом на правом бедре нетерпеливо переминался с ноги на ногу, опустив глаза и не осмеливаясь взглянуть на странную женщину прямо. Наконец та произнесла:

– Не быть тебе своим на этой земле, что бы ты ни делал, пока не пройдешь Кольцо Богов при восточном ветре. Вот и весь мой сказ.

Юноша все-таки поднял голову и с неподдельным любопытством взглянул на женщину. Глаза у него оказались голубыми, и в них будто бы плавали блики света, как в морских волнах в солнечный день.

– М-матушка! – произнес он пока непривычное для него обращение к тем, кого здесь именовали ведающими. – А где находится это Кольцо?

– Возле острова Горт, – ответила женщина.

– Ты совсем сошла с ума, Хальда! – неожиданно послышался голос совсем седой сторбленной старухи, сидевшей на песке в нескольких шагах от беседующих. – Посылаешь парня на верную смерть! Там и при другом-то ветре пройти может разве что опытный моряк.

– Не мешай мне, Санна, – огрызнулась ведающая. – На все воля богов! Он сам попросил меня сказать, почему этот мир не принимает его, я только ответила.

– И многие ли прошли Кольцо?.. – проворчала старуха.

– Кому надо, те прошли. Остальным и соваться туда не стоило, – вздохнула женщина, которой и самой уже стало немного грустно за этого мальчика.

«А вдруг он не пройдет?..»

– Матушка, – уже увереннее произнес парень. – Расскажите мне, как добраться до этого острова и где там искать то самое Кольцо?

– Я покажу тебе карту, а Кольцо надо искать с восточной стороны, там каменная гряда уходит далеко в море и почти посреди нее это Кольцо – ты его увидишь сразу. Заходи с севера. Пройти можно только почти вплотную к нему справа, иначе тебя разобьет о камни. Впрочем, если боги будут милостивы, они сами укажут тебе путь, а если нет... – ведающая замолчала.

– Спасибо, матушка, я тогда пойду. Кажется, я смогу успеть уже сегодня.

– Не спеши, торопыжка, время еще есть. Дойдем до моего дома, и я покажу карту.

– Спасибо, я лучше спрошу у Сиглана, он должен знать дорогу. Может, и проводит меня.

– Запомни, никто не должен сопровождать тебя к Кольцу, хотя... до острова можете добираться и вместе.

– Доброго вам здоровья! – выкрикнул юноша, убегая, и вскоре скрылся за береговым откосом.

Ведающая села на песок и закрыла лицо руками.

– Да хранят тебя милосердные, и пуше всех Морская Мать, – раз за разом повторяла она.

Придерживая меч, Ирион вприпрыжку спустился к воде, где ожидал его на своей лодке пожилой рыбак Сиглан. Нелюдимый мужчина как-то по-своему привязался к шустрому пареньку, появившемуся в их краях неизвестно откуда. А больше всего они любили по очереди у ночного костра рассказывать разные были и небылицы. В лице юноши Сиглан нашел и внимательного слушателя, и неплохого рассказчика, на этом они и сошлись ближе всего. Управление лодкой Ирион освоил без труда. Жалко было только, что к промыслу, кормившему большинство местных жителей, парень не испытывал никакого интереса, но зато старательно помогал по хозяйству. Усталый рыбак знал, что если Ирион на берегу, то его всегда ждет горячая похлебка и чай из трав. Хотя порой юноша пропадал на несколько дней, а то и больше. В один сезон даже ухитрился наняться в охрану купеческого судна, но работа эта ему быстро надоела, и, как только окончился контракт, Ирион вернулся обратно. Вот только последнее время что-то стало тяготить его, но что именно, парень не рассказывал, только попросил свести его с кем-то из знающих мир людей. По своему разумению Сиглан отвез его к ведающей.

– Сиглан! – закричал юноша, еще не добежав до лодки. – Мы идем на Горт!

Осенив себя обережным знаком, рыбак подумал, что идти на Горт в такую погоду стоит разве что по крайней нужде – окрестности этого острова изобиловали подводными камнями, и разбиться там в шторм, который вот-вот грозил начаться, было проще простого.

Подбежав, запыхавшийся Ирион начал рассказывать:

– Мм... ведающая сказала, что мне надо пройти Кольцо Богов около этого острова. Я возьму лодку, которую ты мне сделал?

Пока юноша запрыгнул в их рыбацкое суденышко и устраивался на привычном месте, Сиглан стал молиться всем богам подряд, чтобы ему удалось отговорить непоседу от новой затеи. В народе поговаривали, что тот, кто пройдет в бурю Кольцо Богов, станет счастливым. Немало опытных моряков пытались сделать это, да вот только счастливых на островах как-то не прибавлялось.

– Так я возьму лодку?! – дернул задумавшегося рыбака за рукав его спутник.

Взглянув в глаза паренька, тот только вздохнул, поняв, что отговорить не удастся. Егозато егоза, но порой в его голубых глазах появлялся стальной отблеск штормового моря, и тогда Сиглан уже знал, что парень не пойдет на попятную, чего бы это ему ни стоило.

– Бери! Я ж ее сладил для тебя... – Рыбак снова вздохнул. Вот уж он не думал, что расставаться придется так скоро. Хотя кто его знает, может, и прорвется...

– Спасибо! – Паренек схватил Сиглана за руку. – Ты меня проводишь до острова? Дальше, говорят, тебе нельзя, я должен идти один.

Сиглан еще раз вздохнул и сказал:

– Ты знаешь, что мало кто возвращался оттуда?

– Да, знаю, – ответил Ирион, зачерпнув за бортом воды и пропустив ее между пальцев. –

Старуха сказала. Но я попробую.

– Добрые боги тебе в помощь! – от души пожелал рыбак и замолчал.

До самой стоянки путь прошел в тишине, только ветер посвистывал в снастях.

Стащив вдвоем к воде лодку, которую почти заново перебрал для питомца нелюдимый рыбак, они присели на песок.

– Я хотел сказать, что ты стал мне как сын, – запинаясь, произнес Сиглан.

– Я знаю. – Юноша посмотрел на него ясными глазами. – Я совсем не знал своего отца...

Но я вернусь. – С этими словами он встал и, не оглядываясь, направился к своей лодке, которой

почти не пользовался до этого дня, столкнул ее на воду и прыгнул в нее. Потом оглянулся на рыбака. Лодка Сиглана тоже уже поворачивала к ветру, и вскоре оба легких суденышка вышли из-под защиты скал в подхлестываемый ветром хаос волн.

Дорога до Горта заняла больше трех часов. Сиглан уверенно выбирал путь между островами. Но легким лодкам постоянно приходилось лавировать, чтобы не попасть под шквальный ветер бортом к волне, обходя камни и отмели. Один раз рывком шкота Ириону чуть не сорвало кожу на ладонях, но он, зашипев себе под нос, терпел, понимая, что дальше будет труднее. Когда впереди показались скалы Горта и вскипающие вокруг него буруны на отмелях, Сиглан прокричал Ириону:

– Обходи остров слева по дуге! Я буду ждать тебя на Тилосе. – И он махнул рукой себе за спину на только что пройденный небольшой островок, однако хорошо закрывающий от ветра небольшую песчаную отмель.

Ирион кивнул и поднял вверх правую руку в странном жесте с разведенными пальцами, обращенными к небу.

– Я вернусь! – крикнул он и, отвернувшись, стал править влево.

Обойдя Горт с севера по широкой дуге, юноша задохнулся от резкого ветра, ударившего в лицо. Острова, расположенные восточнее Горта, были едва видны из-за штормовых волн, разгулявшихся на просторе. Ближе к берегу волны взлетали фонтанами, натываясь на подводную гряду, но и левее море вскипало от бурунов.

«Где же Кольцо?» – подумал Ирион, стараясь править по центру, где бурунов пока не было заметно.

И вдруг на очередной волне увидел нечто. Это и впрямь было огромное каменное кольцо, наполовину уходящее под воду так, что видна была только полукруглая арка.

«И впрямь Кольцо Богов, кто еще мог сделать эдакую машину и поставить в таком ненадежном месте так, что она простояла неизвестно сколько столетий?..» – Юноша был удивлен, но одновременно странный восторг начал подниматься в его душе.

Ветер, буря и штормовые волны почему-то вызвали прилив почти детской радости.

«Кому же там надо молиться в таких случаях? А впрочем, неважно!.. Если боги есть, они сами увидят меня. Я иду к ним навстречу!»

Ирион крепче перехватил шкот, уперся ногами в скамью и позволил ветру войти в его парус. Лодка подпрыгнула на волне и рванулась вперед со скоростью восточного шквала, срезая гребни волн.

Возможно, он что-то кричал, но сам не слышал этого среди шума ветра. Юноша слился с окружающей стихией, и теперь она несла его прямо под гигантскую каменную арку, которая вблизи оказалась еще больше. Как по маслу лодка проскользнула створ кольца, а потом руки юноши сами повернули парус, чтобы избежать громадной глыбы прямо по курсу. Дальше последовало еще несколько резких поворотов, и вот, испустив торжествующий вопль, он вылетел на открытый морской простор.

Ветер, проверяя реакцию, рванул парус с новой силой, и парень от неожиданности чуть не выпустил его, но все же удержал. «Врешь! Не балуй!» Ветер немного притих и стал подталкивать лодку в сторону острова, но Ирион продолжал править в море, чтобы обойти Горт, минуя возможные отмели, которых он не знал.

Сколько времени прошло от прохода Кольца до того, как его лодка ткнулась в песок небольшого островка, юноша не знал, но, кажется, начинало темнеть, хотя из-за пасмурного неба судить о времени было сложно. Шатаясь, он выбрался на берег и упал, не выпуская из содранных в кровь ладоней причальный конец, со словами:

– Я вернулся.

Навстречу ему бросился пожилой рыбак.

Со времени переселения людей и карайнов с котятами в горный поселок прошло около трех лет. За это время Сирвил, как называли вторую карайну, и Хальдра принесли в общей сложности еще семерых котят, и почти все из них были уже запечатлены, когда произошло новое событие.

Однажды утром из густого осеннего тумана, уже начавшего редеть под лучами солнца, вынырнула небольшая серебристая карайна и начала деловито обходить и обнюхивать человеческий лагерь. Когда Райден, привычно ночевавший у костра все теплое время года, заметил пришелицу, его сначала удивило то, что никто из местных карайнов не поднял тревогу. Это могло означать только одно: визит произошел с их ведома и согласия.

Молодая самочка, закончив обход, села недалеко от потухшего костра и начала умываться, одновременно пристально разглядывая человека. Сагрио поблизости не было, и разведчик, решив не отрывать карайна от его дел, попробовал установить контакт сам.

«Привет! – мысленно передал он, пристально глядя в желтые глаза самочки. – Если ты к нам, то мы рады тебя видеть».

Карайна задумчиво наклонила голову. Через несколько мгновений, когда мужчина уже начал беспокоиться, поняла ли его дикая карайна, он услышал ответ:

«Привет! Я к вам. Мне сказали – здесь безопасно. У меня скоро будут котята».

Образы были несколько смазаны, но понять можно.

«Тебя пригласили?» – задал Райден интересующий его вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.